

Авантурная мелодрама

Литон
ЛЕОНТЬЕВ

ПРОФЕССИЯ – ПЕРВАЯ ЛЕДИ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Профессия – первая леди

«ЭКСМО»

2005

Леонтьев А. В.

Профессия – первая леди / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2005

Жизнь знаменитой писательницы Серафимы Гиппиус перевернул нелепый случай: ее кот попал в заброшенный колодец. Спустившись за ним на дно, Серафима наткнулась на чемодан с человеческими останками... А буквально на следующий день на вернисаже модного художника Стефана д'Орнэ писательница снова обнаружила труп. Светская львица Драгостея Ковтун была зарезана, причем старинным ножом, принадлежащим Серафиме! А посетители вернисажа видели сына президента Сергея Бунича отмывающим руки от крови... Сосед Гиппиус по даче, генерал в отставке, под большим секретом поведал ей, что Татьяна Шепель, тело которой необъяснимым образом оказалось в колодце, не кто иная, как сестра супруги президента, Надежды Бунич, пропавшая больше двадцати лет назад. Серафима всегда старалась держаться подальше от сильных мира сего. Но сейчас она просто обязана разобраться, как тело сестры первой леди попало в ее колодец...

© Леонтьев А. В., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

31 июля 1982 года	7
Серафима Ильинична Гиппиус	8
Дусик Стрешневич	23
Серафима Ильинична Гиппиус	30
Надежда Сергеевна Бунич	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Антон Валерьевич Леонтьев

Профессия – первая леди

«В сердцах она отступила назад, огляделась по сторонам в поисках Королевы, которую наконец увидела вдаль, и подумала: не пойти ли на этот раз в противоположном направлении?»

Все вышло как нельзя лучше. Не прошло минуты, как она столкнулась с Королевой у подножия холма, куда раньше никак не могла подойти.

... – Разве это чепуха? – сказала Королева и затрясла головой. – Слыхала я такую чепуху, рядом с которой эта разумна, как толковый словарь!

Это была удивительная страна.

... – По-моему, Зазеркалье страшно похоже на шахматную доску, – сказала наконец Алиса. – Здесь все играют в шахматы! Весь этот мир – шахматы (если только, конечно, это можно назвать миром!). Это одна большая-пребольшая партия. Ой как интересно! И как бы мне хотелось, чтобы меня приняли в эту игру! Я даже согласна быть Пешкой, только бы меня взяли... Хотя, конечно, больше всего мне бы хотелось быть Королевой!

Она робко покосилась на настоящую Королеву, но та только милостиво улыбнулась и сказала:

– Это легко можно устроить. Если хочешь, становись Белой Королевской Пешкой. Крошка Лили еще слишком мала для игры. К тому же ты сейчас стоишь как раз на второй линии. Доберешься до восьмой, станешь Королевой...

Тут почему-то Алиса и Королева бросились бежать.

Позже, когда Алиса размышляла об этом дне, она никак не могла понять, как это случилось: она только помнила, что они бежали, крепко взявшись за руки, и Королева так неслась вперед, что Алиса едва за ней поспевала, но Королева все время только кричала:

– Быстрее! Быстрее!

Алиса чувствовала, что быстрее бежать она не может, но она задыхалась и не могла этого сказать.

Самое удивительное было то, что деревья не бежали, как следовало ожидать, им навстречу; как ни стремительно неслись Алиса и Королева, они не оставляли их позади.

Королева, видно, прочла ее мысли.

– Быстрее! Быстрее! – закричала она. – Не разговаривай!

Но Алиса и не думала разговаривать. Ей уже казалось, что она никогда в жизни не сможет больше произнести ни слова, так она задыхалась, а Королева все кричала:

– Быстрее! Быстрее!

И тянула ее за руку.

– Далек еще? – с трудом вымолвила наконец Алиса.

– Не еще, а уже! – ответила Королева. – Мы пробежали мимо десять минут назад! Быстрее!

И снова они неслись со всех ног, так что только ветер свистел у Алисы в ушах. Того и гляди сорвет с головы все волосы, подумалось Алисе.

– А ну, давай! – кричала Королева. – Еще быстрее!

И они помчались так быстро, что, казалось, скользили по воздуху, вовсе не касаясь земли ногами, пока наконец, когда Алиса совсем уже выбилась из сил, они внезапно не остановились, и Алиса увидела, что сидит на земле и никак не может отдышаться.

Королева прислонила ее к дереву и сказала ласково:

– А теперь можешь немного отдохнуть!

Алиса в изумлении оглянулась.

– Что это? – спросила она. – Мы так и остались под этим деревом! Неужели мы не стронулись с места ни на шаг?

– Ну конечно, нет, – сказала Королева. – А ты чего хотела?

– У нас, – сказала Алиса, с трудом переводя дух, – когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место.

– Какая медлительная страна! – сказала Королева. – Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!

– Ах нет, я никуда не хочу попасть! – сказала Алиса. – Мне и здесь хорошо. Очень хорошо! Только ужасно жарко и пить хочется!

– Этому горю помочь нетрудно, – сказала Королева и вынула из кармана небольшую коробку. – Хочешь сухарик?»

Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье». Пер. Н. Демуровой

Ответственность за действия, мысли, поступки, суждения, оценки, мечты, увлечения, равно как и за прошлое, настоящее и будущее героев этой книги, несет не автор, а сами герои. Убедительная просьба адресовать все претензии и пожелания главным действующим лицам.

События, изложенные в романе, никогда в действительности не происходили и произойти по определению не могли.

Все персонажи являются вымышленными и не имеют ни малейшего отношения к прототипам.

А.Л.

31 июля 1982 года

Даже мертвая, она была ослепительно красива. Светлые волосы обрамляли ее лицо, а зеленые глаза, казалось, следили за каждым его шагом. Она походила на картину, одну из тех картин, которые пленяли и сводили его с ума...

Убийца прикоснулся к ее щеке. Она жива! Она не может умереть! И все же она была мертва.

Почему он убил ее? Любовь – вот ключ ко всему. Он любил ее и не хотел делить ни с кем другим.

Мертвая – она будет принадлежать только ему!

– Мы должны избавиться от тела! – услышал убийца тихий голос. Он обернулся и увидел женщину, которая наблюдала за ним. Она любит его, а он – любит ли ее он?

Теперь это уже не имело значения...

– И ты сумеешь простить меня? – спросил убийца у женщины.

Та ничего не ответила. Убийца знал, что ради него она поможет спрятать тело, ради него она забудет о том, чему стала невольной свидетельницей. Но получит ли он прощение?

У него дрожали руки, зато женщина хорошо знала, что надо делать. Казалось, что она... довольна тем, что он совершил убийство.

Она нужна ему, он любит ее! И боится... А как же та, что умерла от его руки?

... Час спустя все было кончено. Тело покоилось на дне пересохшего колодца. Они закрыли тяжелую крышку, закидали ее землей, утрамбовали и крадучись пошли прочь.

Он ее убил. Убил! Все закончилось...

– Я люблю тебя! – произнесла женщина, внезапно останавливаясь. Убийца вздрогнул. Любовь – что может быть страшнее на этом свете?

– Никто и никогда не узнает, что мы сделали, – продолжала женщина. – Мы будем жить, как раньше.

Она прижала его к себе, и убийца ощутил небывалое успокоение. Вдруг он вспомнил лицо той, что лишил жизни. Обо всем надо забыть, подумал мужчина.

Я спасла его, он принадлежит только мне, и никто больше не стоит между нами, подумала женщина.

Ночная мгла обняла их.

Ничего не произошло! Никто не узнает! Он принадлежит только мне! Все будет как прежде!

Но, боже, отчего же так больно?

Серафима Ильинична Гиппиус 25 августа

Платье оказалось невероятно узким, мне было тяжело дышать, да и жара стояла адская. Я глубоко вздохнула. Нет, я не имею права показаться смешной! Ведь мне сейчас вручат Нобелевскую премию!

Мы, лауреаты самой престижной премии в мире, находились в старинном зале – сидели в креслах, установленных на сцене. Шведский король, облаченный во фрак с муаровой лентой и массой драгоценных орденов, пожимал как раз руку то ли физику, то ли химику, вверяя оному диплом лауреата.

Нобелевская премия по литературе! Я всегда знала, что рано или поздно получу ее. И вот я в Стокгольме...

Нет, отчего же платье-то так давит? Мне не хватало воздуха, как будто камень лежал у меня на груди. Я повторила слова моего учителя по плаванию, который пытался объяснить мне, как держаться на воде: «Фима, самое главное – мыслить рационально и не паниковать! А остальное придет само собой!»

Если учесть, что плавать я так и не научилась, то сомнительные наставления моего тренера я вспомнила нехстати. И все же я не имею права опозориться во время этой церемонии. Вряд ли при всем моем невероятном таланте мне суждено снова получить Нобелевскую премию! Это исследователей кварков или ДНК иногда награждают несколькими подобными дипломами в течение их жизни. Мы, литераторы, можем претендовать только на один-единственный!

Мое имя прозвучало совершенно неожиданно. Я в растерянности оглянулась и попыталась подняться с кресла. Ноги были как ватные, невероятная сила удерживала меня. Что ж это такое, черт побери!

Наконец я оторвалась от синего бархата. Сделала несколько шагов и оказалась рядом с седым и статным Карлом Шестнадцатым Густавом. В руках его величество держал диплом с моим именем, выведенным крупными буквами.

Король посмотрел на меня, затем вдруг громко мяукнул. Я оторопела. Его величество склонился и впился мне в плечо. Я чувствовала, что не могу вздохнуть, пот градом струился по моей спине.

Платье! Да нету на мне никакого платья! Я с ужасом заметила, что облачена в римскую тогу – или это банная простыня? Но куда же делось мое вечернее платье?

Глава династии Бернадоттов тем временем вонзил в меня свои когти (откуда у короля когти, боже ж мой!). Я не могла дышать. Свет слепил мне глаза, я попыталась закричать. Во рту словно каша была.

– Мурррррр, – дыхнул мне теплом в ухо шведский король. Золотая медаль с профилем динамитчика Альфреда Нобеля со звоном упала на пол. Я потянулась за ней, понимая, что мне не суждено получить самую престижную премию в мире. Слезы брызнули из глаз. А король продолжал запускать в меня когти.

Внезапно раздался звонок – и декорации, как в театре, стали стремительно меняться. Король исчез, но кто-то продолжал упорно кусать и колоть меня иголками. Исчезли и диплом, и медаль, и старинный зал, я судорожно всхлипнула...

...И приоткрыла глаза. Я находилась в своей кровати, в своей спальне, в своем доме! Не было никакого награждения нобелевских лауреатов. Все это мне приснилось! Дурной сон! Да какой!

Телефон разрывался. Уголок подушки был мокрый – похоже, я пыталась жевать его! А на груди у меня распластался Васисуалий Лоханкин, который утробно урчал, запуская в меня когти и покусывая. Сцена напоминала знаменитую картину швейцарского художника Фюссли «Ночной кошмар»: девица в обморочном сне на кровати, а на груди у несчастной то ли тролль, то ли домовой: тяжелый, лохматый и злобный...

Вот, оказывается, кто стал причиной моего сладостного сновидения! Еще бы, когда на тебя взгромоздится кошачья туша весом в десять килограммов, то и не такое узришь! Васисуалий Лоханкин (он же по совместительству Василиск) обладал ужасной привычкой залазить на спящего, топтаться у него на груди, пускать коготки и нежно кусать.

Я с трудом оттолкнула Васисуалия, тому это явно не понравилось. В серой мгле августовской ночи сверкнули его изумрудные глаза, котище зашипел.

– Васисуалий, Василиск! – прикрикнула я на него.

Когда шесть лет назад я нашла его на улице, он был крошечным, облезлым, тощим котенком с головой, покрытой коростой лишаев, и крючковатым крысиным хвостом. Теперь же он превратился в роскошного дымчато-черного монстра, который питается только мясом с рынка, свежей сметаной и сливками, его тошнит от кошачьих консервов, он приносит мне в кровать полудохлых мышей и крыс и топчется на моей груди, провоцируя кошмарные сновидения!

Вы только подумайте – Нобелевская премия была почти у меня в руках! Какая, к лешему, Нобелевская премия по литературе в августе! В прошлом году ее получила странная австрийская писательница, любительница садомазохистских сцен и шизоидных героев. Ей – дали! Мне – нет!

Васисуалий, едва я спихнула его с груди, попытался снова занять свое законное, как он считал, место. Пришлось вести с котом неравную борьбу, которая завершилась полным моим поражением. Василиск взгромоздился мне на живот, я же тянулась к тумбочке, на которой разрывался неугомонный телефон.

Как только я прикоснулась к трубке, аппарат замолк. Светло-красные цифры электронных часов показывали 3:27. И кому это приспичило звонить полчетвертого ночи?

Телефон снова ожил, я сорвала трубку и злобно гаркнула:

– Ну что стряслось?

– Мама, это я! – услышала я голос своего единственного сына.

Ну конечно, это мое чадо из Америки! У них там тоже ночь (или уже день – я никогда не могла уяснить, какая разница между Западным побережьем США и Экарестом).

– Ты спишь? – спросил мой драгоценный.

Я всегда ненавидела подобные вопросы. Какой прок звонить кому-то посреди ночи, а затем невинно интересоваться, спит ли несчастная жертва. Мой третий муж, уже давно бывший, обожал этот вопрос. И Артем, несмотря на то, что не был его ребенком, унаследовал привычку отчима!

– Благодаря тебе, Тема, нет, – сказала я, чувствуя, что Васисуалий начинает танец живота, вернее, танец на моем животе.

– Извини, – заметил сын таким тоном, что мне стало стыдно за свое замечание. – Я не хотел ждать до вашего утра! Беверли родила!

Беверли – это, используя политкорректные штатовские термины, афроамериканская супруга моего Артема. Об их бракосочетании я узнала постфактум. Мой сын живет и работает в Калифорнии, он – великолепный программист.

Эту самую Беверли я имела счастье лицезреть прошедшей весной. Я преподаю герцословацкую литературу и литературное творчество в Cornell University в штате Нью-Йорк, живу полгода в Америке. Поэтому и смогла навестить сына и невестку в вотчине губернатора-терминатора Арнольда Шварценеггера.

Бeverли мне не понравилась. О, я не расистка, если мой сын пылает страстью к девушкам с шоколадной кожей, то я не имею ничего против! Он может жениться хоть на китайке или аборигенке острова Тасмания, главное – был бы счастлив!

Его избранница – бывшая модель, ставшая голливудской актрисой. Слава Николь Кидман и гонорары Рене Зельвегер ей не грозят, она подвизается в идиотских комедийных и полицейских сериалах на ролях бессердечных сексапильных злодеек или развратных проституток, преследуемых злодеями. Один из таких шедевров идет по молодежному каналу у нас в Герцогство Словакия. Я, конечно же, его не смотрю!

В общем, те пять дней, которые я гостила у Темы с Бeverли, показались мне самыми страшными в моей жизни. Моя сестрица Вероника, профессор, всемирно известный сексопатолог, объяснила популярно, что такая ревность вполне понятна.

– Фимочка, ты не хочешь делить Темку с другой женщиной! Но тебе придется привыкать к тому, что он не только твой сын, но и муж Бeverли!

– Ну, ты еще эдипов комплекс припомни, – разозлилась я тогда на сестрицу.

Веронику именуют «Фрейд в юбке», что, в принципе, лишь отчасти соответствует действительности – она предпочитает эксклюзивные брючные костюмы. Ника считается одним из столпов современной международной сексопатологии, разъезжает по границам, публикуется по всему миру.

Я все еще свыкалась с мыслью о том, что длинноногая Бeverли украла моего Тему, и вдруг мне сообщили: в октябре я стану бабушкой. Теперь же Артем звонит и говорит, что Бeverли родила! Октябрь уж наступил, и роща отряхает последние листья с нагих своих ветвей? Да нет же, сегодня какое-то там августа...

– Роды прошли благополучно, – продолжал вещать сын из Калифорнии. – Почти на два месяца раньше положенного срока, но у ребенка все в порядке, мама! Бeverли великолепно перенесла кесарево. Знаешь, сейчас очень модно рожать посредством кесарева сечения!

– Не знаю! – огрызнулась я. – Дело в том, дражайший сыночек, что я не рожала последние двадцать семь лет, если память меня не подводит! А я мучилась и на свет тебя производила самостоятельно в течение тринадцати часов!

Отчего я такая злая? Из-за глупого сна с Нобелевской премией? Или из-за того, что единственный сын звонит среди ночи и сообщает, что нелюбимая невестка сделала меня бабкой?

– Мы назвали ее Алисой, – продолжил Тема.

Мой сын обладает удивительно покладистым характером. Кажется, он не заметил моего едкого сарказма и обиды.

– Кааак-к-к-к? – Я оторопела.

Васисуалий Лоханкин вонзил мне в живот острые когти, и я вскрикнула.

– Мама, с тобой все в порядке? – осведомился мой отпрыск.

Все ли в порядке? Я столкнула с себя Василиска, поднялась и трагическим тоном произнесла:

– Как вы назвали ее?

– Алисой, – миролюбиво повторил Артем. – Кстати, это девочка.

– Ах, не может быть, Тема, а я думала, что Алисами называют в наше время сексуальной вседозволенности еще и мальчиков, – взъерепенилась я, чувствуя, что готова разрыдаться. – Что это за имя? Вы же сказали, что назовете ребенка в честь деда или бабки!

– Мы и назвали, – ответил сын. – Мать Бeverли зовут Алисой.

Я уселась на кровать, и Лоханкин снова шмякнулся мне на колени. Вот оно что! Значит, Бeverли указывает моему сыночку, как назвать первую и, может быть, последнюю мою внучку! А спросить меня никто не удосужился! Ах, эта мерзавка Бeverли! Я в который раз пожалела, что не являюсь активным членом ку-клукс-клана.

– Значит, Алиса, – угрожающе спокойным тоном протянула я. – Чего ж постеснялись, нарекли бы ребенка сразу Индирой Ганди или Кондолизой Райс!

– Мама! – произнес шокированно Артем. – Мама!

– А фамилию бы дали – индекс Доу-Джонса, – продолжала зверствовать я.

– Мама! – перебил меня сыночек. – Пойми, Алиса будет жить здесь, в Америке, и тут это вполне нормальное имя. Не называть же нам ее в честь тебя Серафимой или в честь бабушки Нинель!

Так и есть: мне будет отказано не только в том, чтобы выбрать имя для чада, но и в том, чтобы воспитывать его и привить девочке великий и могучий герцословацкий язык. Она станет стопроцентной американкой, более того, калифорнийкой и начнет приветствовать меня на ломаном герцословацком тем единственным словом, которое будет знать на языке отца: «Спасибо!»

– Ага, Алиса... в честь мамыши Беверли... Или это твоя тайная страсть к детской фантастике русского писателя Кира Булычева? – уколола я сына.

Когда-то он в упоении смотрел «Тайну Третьей планеты»: в нашей Герцословакии, стране – сателлите Советского Союза, раньше постоянно крутили «ихние» фильмы и мультяшки.

– Или, может быть, Алиса – это долг памяти незабвенному Буратино и его хвостатой герл-фрэндше по выращиванию на поле чудес саженцев с золотыми вместо листьев?

– В честь Алисы Льюиса Кэрролла, – уверил меня сын. – Беверли в восторге от «Алисы в стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье»!

Я утробно расхохоталась:

– О, в честь Алисы Льюиса Кэрролла? Дорогой мой Тема, а известно ли тебе, что этот самый математик Чарльз Доджсон, по совместительству писатель Льюис Кэрролл, обожал маленьких девочек, лет эдак десяти-одиннадцати. Причем весьма даже неплатонически обожал! Кстати, именно Льюис Кэрролл стал для Набокова прообразом его игривого старого развратника Гумберта Гумберта из бессмертной «Лолиты»!

Яд так и сочился с моего раздвоенного языка, но Тема никак не прореагировал на эти литературные эскапады. Он привык к тому, что его мать-писательница постоянно вываливает неприглядные факты из жизни великих авторов.

– И вообще, имя Алиса принесло Герцословакии несчастье, – вещала я, войдя в роль оскорбленной матери. – Истеричная императрица, жена Николая Второго, последнего безвольного русского императора, до того как перешла в православие, звалась Алисой Гессен-Дармштадтской. Некоторые предпочитали именовать ее Даромшмадской. Если бы не эта Алиса, то не было бы и Распутина, который, кстати, вроде бы ублажал не только ее душу, не было бы развала государства, не было бы мировой войны, и революции в России не было бы, и тогда в нашей Герцословакии к власти коммунисты не пришли бы, и вся мировая история иначе пошла бы, и Джорджа Гуша американским президентом не переизбрали бы!

– Мама! – заметил Артем. – Понимаешь, наша Алиса не имеет к этому ни малейшего отношения!

Он был прав, мой единственный сын! Но что я могла поделать в такой ситуации – просто принять как факт, что Беверли родила и девочку назвали в честь ее матери? Он же мой сын!

– А появись у вас сыночек, то вы окрестили бы его Марком Аврелием или нет, подожди-ка, Ганнибалом Лектером, в честь дедушки Беверли? – нанесла я еще один запрещенный удар.

– О, мама! – Артем окончательно потерял терпение. – Мама!

– Теперь бабушка! Передавай привет своей супруге, – пропела я елейным тоном. – Кстати, шрам от кесарева сечения не сильно испортил ее идеально плоский живот, которым она так гордится?

Когда разговор завершился, я еще долго сидела с прижатой к уху телефонной трубкой, в которой умирали гудки. Васисуалий Лоханкин, урча, растянулся у меня на коленях. Я потрепала Василиска за ушком. Он сразу же вонзил в меня коготки.

Спать не хотелось. Кошмары преследовали меня не только во сне, но и наяву. Артем сказал, что приезжать к ним не имеет смысла. Уверена, что эту мысль вбила ему в голову разлюбленная Беверли. Она украла у меня сына, а теперь хочет украсть и внучку!

– Алиса, ты только подумай! – сказала я Васисуалию, и котина лишь проурчал в ответ. – Какое падение нравов! Куда до нас всяким элагабалам и каракаллам!¹ И в каком, интересно, направлении катится мир?!

Я спихнула кота, включила бра, натянула кимоно (подарок японских поклонников моего творчества) и спустилась на первый этаж.

Васисуалий последовал за мной. Еще бы, десятикилограммовая тварюга постоянно испытывала чувство голода. Как и я! Однако Лоханкину было много проще – он наедался мяса, жирной деревенской сметаны, лакал сливки – и оставался подтянутым парнишкой шести лет от роду.

Стоит мне съесть две конфетки или ломтик торта, как неподкупные весы безжалостно констатируют лишних три килограмма.

И почему природа так несправедлива к людям и так благоволит к котам?

Было почти четыре утра. Августовская ночь начинала таять, хотя до рассвета оставалось не меньше полутора часов. Я заварила себе крепчайший кофе, бросила ластящемуся Василиску куски вчерашнего жаркого и, усевшись на мягкую табуретку, с наслаждением закурила.

Я, Серафима Ильинична Гиппиус, самая известная писательница современной Герцословакии, наследница громкой фамилии и древних традиций, лауреат Тукера (и Нобелевской премии – во сне!), гениальный стилист и живописатель герцословацких нравов, ведущая телевизионной программы на канале ЖТВ «Ярмарка тщеславия», вдруг поняла, что в свои неполные ммм... тридцать три года – крайне несчастлива!

Осознание невыносимой тяжести по-герцословацки бесцельного бытия пришло ко мне именно в то злосчастное утро, двадцать пятого августа, когда Артем позвонил и сообщил, что на свет появилась моя первая внучка по имени Алиса.

Подкрепившись тремя чашками черного и несладкого кофе, половиной кремowego рулета, двумя бутербродами с ветчиной и несколькими карамельками, я стала смотреть на сложившуюся ситуацию более оптимистично.

Я – сама Серафима Гиппиус! Моей троюродной бабушкой по отцовской линии была легендарная русская поэтесса Зинаида Гиппиус!

Я – родом из России, но с самого детства живу в Герцословакии – небольшой, но богатой стране на Балканах, у Адриатического моря!

Я описалась на коленях у Корнея Ивановича Чуковского, я воровала леденцы из серванта на даче у Анны Андреевны Ахматовой, я как-то залезла в дремучую крапиву, удирая от казавшейся мне сказочной ведьмой Лили Брик!

Мои книги издаются в Герцословакии, ближнем и дальнем зарубежье солидными тиражами, у меня было четыре с половиной мужа, и всех я бросила сама (ну, или почти всех!), в мою программу хотят попасть очень многие знаменитости, меня узнают на улице, в метро (не поверите, но я иногда езжу на метро!), не помогают ни черные очки, ни обмотка головы и лица шарфами по принципу древнеегипетской мумии, ни шляпа в стиле человека-невидимки.

¹ Каракалла и Элагабал – представители династии Северов, правивших Римской империей больше 40 лет (193 – 235 гг. н. э.).

Я – по праву! – считаю себя незыблемым литературным авторитетом, веду необременительный полусветский образ жизни, пишу, говорю и ем все, что ни пожелаю, и не забочусь о финансах.

Кроме того, я преподаю уже который год в американском университете, живу в городке под названием Итаса (что мне, кандидату филологических наук, защитившему диссертацию по «Одиссее», безумно льстит) и вообще не задумываюсь о хлебе насущном.

Два года назад мой сатирически-философско-постмодернистско-классический роман-антиутопия «Глокая куздра» удостоился Тукеровской премии (я знала, что кое-кто из злопыхателей именовал меня «полновесным лауреатом премий канцлера Брюнинга, Фредди Крюгера и анти-Дюринга»).

Похоже, мне в самом деле придется мириться с Беверли. Я не хочу потерять Артема – ведь тогда эта, прости господи, лахудра полностью приберет моего единственного сыночка к своим шоколадным ручкам! Да какая мать такое стерпит? Моего родного Темку заграбастало американское страшилище!

Мрачные мысли под воздействием легкого завтрака исчезли. Сегодня у меня напряженный день. Съёмки «Ярмарки тщеславия». Несмотря на то, что я разделяю «под орех» почти всех гостей программы, попасть в нее и стать объектом моего неподражаемого остроумия и жертвой смертельного злословия для многих является делом чести. Мне известна как минимум дюжина человек, которые начали восхождение к славе в массмедиа с того, что позволили планомерно и без сопротивления истязать себя в моей программе.

Сегодня ожидался визит занимательного гостя, я уже наметила, во что облачусь. Предвкушая кровавое пиршество, я отправилась в ванную.

Ровно в восемь утра началась строительная вакханалия. Я как раз пыталась найти неизбитый эпитет к слову «любовь», сидя перед ноутбуком.

Бум, бббум, бууум, буммм. Я обхватила голову руками, пытаюсь остановить ускользающие мысли. Так и есть, наши новые герцословаки продолжают возводить свой Букингемский дворец!

Летом и осенью я живу на даче, расположенной в поселке Перельгино, в подбрюшье нашей столицы Экареста. В приснопамятные времена Герцословацкой Социалистической Конфедерации (она развалилась в 1991 году на восемь самостоятельных государств, положив начало балканской заварухе) в Перельгине обитали деятели искусств – поселок изначально задумывался как место, где поэты, писатели, скульпторы и композиторы, наслаждаясь девственно-чистым воздухом, под шум старинной дубравы будут создавать шедевры во славу родины.

В конце сороковых так оно и было, затем половину жителей Перельгина отправили в лагерь и подсадили работников Комитета, которых, в свою очередь, почти всех расстреляли. Новый всплеск в жизни нашего Перельгина произошел после смерти Сталина, это событие повлияло на судьбу Герцословакии, тогда мои родители и получили от государства дачу.

И сейчас в Перельгине обитают осколки великой эпохи – не считая меня, здесь живет поэтесса Раиса Блаватская, представительница интеллектуального постмодернизма (или постинтеллектуального офигизма, как люблю шутить я), тут же – летняя резиденция и мастерская Ираклия Тхарцишвили, того самого скульптора, который ваяет исторических личностей и дарит их (за счет принимающей стороны) столицам мира. Ирик – мой старый друг, кажется, он все еще лелеет мечту заполучить меня в любовницы. Но к чему мне эти африканские страсти? Когда я бываю в Штатах, то навещаю его в пентхаузе на Пятой авеню. Мы пьем коллекционный французский коньяк и предаемся великогерцословацкому шовинизму.

Кого я забыла упомянуть? Из «бывших великих» – разве что Гамаюна Подтягича, некогда столпа соцреализма, получившего семь или восемь Государственных премий и создавшего шедевр-пенталогию под названием «Домны революции» – металлургический секс-трил-

лер середины пятидесятых. Сейчас о Гамаюне никто и не знает, а когда-то от его слова зависели судьбы и карьеры – он был первым секретарем правления Союза писателей Герцословакии. Теперь он якшается с коммунистами, был одно время депутатом Госдумы, но в последний год резко сдал, отошел от дел и засел на даче, где строчит мемуары, желая доказать всем, что времена «красной империи» были самыми лучшими.

После смерти жены Гамаюн тоже равнодушно поглядывает в мою сторону, но я делаю вид, что не замечаю его плотоядных взоров. Восемидесятичетырехлетний эгоист с неприглядно волосатыми варениками вместо ушей – это не для меня!

Ах, и как же я забыла о Браниполке Иннокентьевиче Суворе! Да, это тот самый, некогда всемогущий Сувор, правая рука генсека Алдропы, генерал в отставке, заместитель председателя КГБ – Комитета герцословацкой безопасности, дважды Герой, трижды кавалер...

Браниполк Иннокентьевич для своих неполных семидесяти – вполне крепкий молодеватый старикан, захаживает ко мне то с бутылкой вишневой наливки, то с последним романом Мураками. Думается, он тоже не прочь заполучить гарную дивчину Фиму Гиппиус в свои объятия, но вряд ли этому суждено сбыться! Сын Суворы, Огнедар Браниполкович – птица высокого полета, он – доверенное лицо нашего президента, ему удалось превзойти отца: Огнедар – директор реформированного КГБ. Когда он приезжает навестить старика, на пыльных улочках нашего Перельгина возникает кавалькада черных джипов и бронированных «Мерседесов».

Впрочем, «Мерседесы» для нашей деревни проклятых, как я иногда любовно называю Перельгино, явление знакомое. С тех пор как по соседству с моим участком дачу бывшего композитора Дергучевского (ну, того, что написал почти все хиты 60-х годов, а затем погиб, врезавшись на автомобиле в самосвал, груженный куриным навозом, как говорят, будучи в стельку пьяным) у его наследников приобрел один из недосаженных олигархов, спокойной жизни пришел конец.

Я вспоминаю один из поздних романов моей любимой Агаги Кристи: мисс Марпл убеждается в том, что милая ее сердцу деревушка становится жертвой вездесущего прогресса – вместо лавок зеленщика и булочника появляется монстр-супермаркет, уютные коттеджи сменяются уродливыми панельными домами, по улицам маршируют странные длинноволосые личности-хиппи...

Так и в Перельгине – капитализм забрал у нас то, что казалось неподвластным времени, – воспоминания. Некий равноудаленный олигарх (о, и почему его, как Белоцерковского, не засадили в тюрьму?) вознамерился строить в Перельгине свою резиденцию. Времена усадеб вдоль правительственной трассы миновали, нуворишей потянуло поближе к интеллигенции, вместо красного кирпича в моде каррарский мрамор и финский гранит.

Вот уже три месяца этот олигарх, которому принадлежат пара алюминиевых заводов, производящих что-то около двадцати процентов мирового объема этого металла, а также несколько нефтяных скважин и алмазных трубок, возводит в Перельгине свою семейную резиденцию.

Строит, разумеется, не он, а команда архитекторов и рабочих. Олигарх появляется раз в неделю, дабы контролировать процесс. И все эти три месяца я пишу вторую страницу нового рассказа – вдохновение исчезает и не возвращается, так как его пугают постоянный гул и шум.

Я уже сказала в шутку Браниполку Иннокентьевичу, что его сын, директор КГБ, должен повнимательнее изучить нашего олигарха, авось найдется пара статей, по которым того можно упечь в каталажку, и стройка прекратится!

И вот снова! Я думала, что до съемок программы смогу написать пару абзацев, так нет! Треклятый трамбовочный агрегат напрочь заглушает парнасскую музыку!

Я вышла из дома и прошествовала, сопровождаемая любопытным Васисуалием Лоханкиным, к забору. Боже, но забора-то нет! Еще вчера он стоял на месте, а теперь исчез! Пыхтя, небольшой бульдозер сгребал в кучу остатки деревяшек.

– Что ж это за слонопотамство-то такое! – в сердцах возопила я и едва не бросилась под гусеницы бульдозера. – Это моя территория, вы не имеете права!

Откуда-то сбоку вынырнул прораб, сопровождаемый лощеным молодым человеком в шикарном костюме и стильных очочках без оправы – и что этот выпускник Гарварда делает на песочной куче?

– Вы ответите мне за это! – я указала дланью на уничтоженный забор и поваленные сосенки. – Вы вторглись на мой участок, и это подсудное дело! Я засужу вашего миллиардера! Или он вообразил, что раз он – сороковой в списке самых богатых людей мира журнала «Форбс», то ему дозволено все? Я немедленно свяжусь с моим адвокатом! Я...

Я вдохнула, чтобы набрать в легкие воздух и обрушить на представителей ненавистного олигарха новые проклятия и угрозы. Молодой человек, воспользовавшись паузой, распахнул элегантный крокодиловый кейс и протянул мне пачку бумаг.

– Госпожа Гиппиус, как хорошо, что вы оказались здесь! Согласно плану участков, утвержденному в 1947 году, фотокопия прилагается, полоса, на которой до недавнего времени находился ваш забор, является неотторжимой частью землевладения моего клиента. Поэтому ваш несанкционированно установленный забор был ликвидирован в полном соответствии с пунктом...

Юрист посыпал статьяmi законов, постановлений и распоряжений. Я взглянула на копию границ участков от 1947 года. Похоже, этот юный прощельга, который за день работы получает столько, сколько я в год, прав. Но я не собираюсь выбрасывать белый флаг! Эти пять метров территории – мои!

– Это произвол! – прошипела я. – И ущемление моих конституционных прав! Я буду жаловаться!

– Воля ваша, – осклабился молодой законник и поправил супермодные очочки.

– Я позвоню своему адвокату!

– Ради бога, – вставил наглый юноша.

– Обращусь в Конституционный суд!

– Быть может, имеет смысл сразу в Гаагу? – юный хам издевался надо мной.

– Нет Гааги, голубчик, – ответила я. – Никогда и не было!

Ну что же, ты еще не знаешь меня, Серафиму Гиппиус! Ты еще на свет из яйца не вылупился, когда моя слава уже гремела – во всяком случае, в пределах нашего Перельгина!

– Я приглашу вашего патрона к себе на программу, он не посмеет отказаться, ибо тогда все узнают, что он – жалкий трус, и раздавлю его, как червя! – Я топнула ногой, и желтый песок просыпался на кожаные ботиночки адвоката.

Юнец побледнел, его торжествующая улыбка сменилась испуганной гримасой. Я развернулась и с гордостью пошла к дому.

Настало время отпрапляться на съемку «Ярмарки тщеславия». Я не люблю водить машину, но что поделать, другой возможности попасть из Перельгина в столицу не существует. К половине первого я была в студии ЖТВ.

– Серафима Ильинична, – режиссер программы молитвенно сложил руки, – прошу вас, не делайте из него отбивную! Хотя бы не с самого начала программы!

Доверив свое лицо умелым рукам стилиста, я лукаво пообещала:

– О, не беспокойтесь, не трону я вашего певца и пальцем!

Мне предстояло беседовать с известным исполнителем шлягеров. К музыке я равнодушна, семь лет музыкальной школы по классу фортепиано были адским мучением, но роди-

тели хотели сделать из меня гармонически развитую личность! Особый ужас нагонял на меня четверг: я знала, что с половины шестого до половины восьмого приговорена к урокам сольфеджио. Как же я молила всевышнего, чтобы в музыкальной школе отключили свет, чтобы прорвало канализацию, чтобы Америка объявила нам термоядерную войну – все, что угодно, лишь бы сольфеджио не было! Я не могла отличить малую терцию от большой квинты и не знала, во что разрешается доминантсептаккорд, а музыкальный диктант – вы должны по слуху записать нотными знаками проигранную мелодию – ввергал меня в состояние, близкое к каталепсии. Кабинет сольфеджио до сих пор является ареной многих из моих кошмарных сновидений...

Наконец все было готово, я любезно улыбалась сидящему напротив меня певцу Афиногению Гиргорлову. Он расслабился, явно не думая, что я, как нильский крокодил, завлекая его, ничего не подозревающую жертву, в смертельную ловушку. Не так давно этот певец выразил свое недовольство вопросами репортеров, припомнил несколько старогерцословацких слов и прошелся по поводу внешности и одежды одной из журналисток.

Я с треском распахнула огромный испанский веер, певец от неожиданности вздрогнул.

– Добрый вечер, – сказала я в камеру, – с вами снова программа «Ярмарка тщеславия» и я, Серафима Гиппиус. Разрешите представить вам нашего гостя...

Певец улыбнулся в камеру, купаясь в лучах собственной славы. Медленно обмахиваясь веером, я задала первый вопрос:

– Афиногений, вы не против, что я сегодня вся в розовом?

Певец нервно сглотнул, мотнул седоватой курчавой головой по сторонам, явно ища поддержки публики, и ответил что-то невразумительное.

– Так все же... – продолжала я атаку, не обращая внимания на устремленные к небу кулаки режиссера, – бедняга был в отчаянии, он наверняка обещал певцу, что никаких острых вопросов по поводу скандала не будет. Ну, если режиссер обещал не задавать нашему гостю острых вопросов, это его законное право, пусть и не задает, а вот я разрешу себе помучить Гиргорлова.

– Так все же, уважаемый Афиногений, почему в вашем творчестве так много этих, как их, что за слово такое иностранное... не подскажите? Ну этих, о, матка боска, римейков?

...Девяносто минут «Ярмарки тщеславия», из которых потом пятьдесят две пойдут в эфир в грядущий понедельник, пролетели для меня незаметно. Вдоволь наиздевавшись над певцом, я завершила программу.

В Перельгине я оказалась под вечер. Строительство «Букингемского дворца» было временно приостановлено. Я набрала номер своего адвоката и изложила ему проблему.

– Серафима Ильинична, разумеется, я с радостью буду представлять ваши интересы, – заверил меня сладкоголосый юрист. Еще бы, если учесть, какой счет он пришлет мне потом! – Уверен, что мы добьемся возмещения ущерба и солидной компенсации во внесудебном порядке.

Я сделала вид, что поверила его басням.

– Василиск! – позвала я кота. Обычно животное встречает меня на кухне, ясно давая понять, что не прочь подкрепиться. Васисуалия Лоханкина поблизости не было. Впрочем, это неудивительно, иногда он пропадает на несколько дней и возвращается взлохмаченный и голодный из странствий по Перельгину, норовя сразу же улечься в мою чистую постельку.

Я вышла в сад и прислушалась. Мне показалось, что кто-то тихо стонет. Или воет! Да нет же, это – душераздирающие вопли моего любимого Василиска! О, я распознаю его завывания днем и ночью! Но что же такое произошло?

Меня охватил страх. Кто посмел поднять руку на моего бедного котика? Не представляю, что я сделаю с человеком, который решился истязать Васисуалия. И не так-то это просто –

десятикилограммовый кот будет непременно сопротивляться. Когти и зубы у него острые – это мне известно на личном опыте.

Я побежала, ориентируясь на утробные завывания кота. Васисуалий громогласно пищал, а это значит, что бедняжка находится в опасности. Но где же он?

Мяуканье привело меня к бывшему забору. Я снова увидела знакомую панораму: строительство было временно приостановлено, рабочие завершили свои подвиги и разошлись по домам.

– Василиск! – рявкнула я.

Кот, слышав мой рык, начал отчаянно мяукать. Я все еще не видела его. У меня создавалось впечатление, что его вопли идут из-под земли. Мой взгляд остановился на нескольких кучах песка. Я похолодела. Неужели... Если бы Васисуалия засыпали двумя тоннами песка, то даже такой монстр, как он, не мог бы пищать. Это неминуемая смерть!

Кот был жив, и это успокаивало меня. Я прислушалась и поняла, что дикие вопли идут из отверстия в земле. Это что ж такое, кроличья нора? Я присела на корточки перед норой и произнесла:

– Василисик, ты здесь?

Кот отозвался на мой зов детским плачем. Откуда взялась эта нора и куда она ведет? Я понятия не имела! У меня никогда не возникало желания изучать наш дачный участок, несмотря на то, что он принадлежал нашей семье уже многие десятилетия. Я заглянула в нору, и в лицо мне ударил затхлый запах сырости и плесени.

Это очень походило на старый погреб... Или колодец! Вполне может быть! Например, когда в прошлом году Ирик Тхарцишвили возводил у себя на участке крытый бассейн, то строители наткнулись на колодец – когда-то на месте Перельгина была деревня, ее уничтожили в течение суток, после того как в Экаресте коммунистическими бонзами было принято решение о возведении на ее месте дачного массива для представителей социалистической интеллигенции.

Я нащупала металлическую крышку, засыпанную землей. Никогда бы не подумала, что на моем участке имеется богом забытый колодец! И именно в него угодил Васисуалий Лоханкин!

– Потерпи, солнышко, – сказала я коту, который, чуя мое незримое присутствие, стал орать все громче и громче. Сердце мое кровью обливалось, я попыталась поднять крышку, но ничего не получилось.

От злости я плюнула на землю. Если бы не этот чрезвычайно настырный олигарх со строительством своего родового гнезда, Васисуалий не угодил бы в древний колодец! А что, если... Если бедняжка из последних сил барахтается в воде? Он ведь может утонуть! О нет, я не могу допустить этого!

Что есть силы я побежала в дом и набрала номер «Службы спасения». Им не привыкать – мне придется заплатить за то, чтобы Василиска извлекли из колодца, но я готова отдать все, чем обладаю, лишь бы котик снова оказался у меня на руках! И вообще, я подам на своего нового соседа в суд!

Машина «Службы спасения» приехала через полчаса. Я провела эти тридцать минут около западни, в которую угодил любопытный Василиск, стараясь успокоить разбушевавшееся животное.

Молодые люди в комбинезонах заверили меня, что извлечь кота не представляет труда. Они подняли прикрытую дерном металлическую крышку, которая скрывала жерло колодца. Василиск, чувствуя, что помощь близка, залился кошачьим плачем.

– Детка, мамочка здесь, она ждет тебя! – крикнула я.

Кот находится на дне колодца как минимум несколько часов, значит, особой опасности для его жизни не существует. Василиск, по природе чрезвычайно любознательный, сунулся в нору, которая и привела его на дно колодца.

Один из рабочих, обвязанный тросом, спустился вниз. Я с замиранием сердца ждала того момента, когда он появится с Василиском в руках. Рабочего вытянули наверх, и он сказал:

– Ваш кот не желает даваться мне в руки! Он исцарапал меня и пытался укусить!

– У него стресс! – сказала я. – Мой бедный мальчик испуган до такой степени, что бросается на тех, кто хочет спасти его.

Попытку извлечь на поверхность Васисуалия повторили, но и на этот раз она не увенчалась успехом. Василиск упорно не давался в руки чужим. Кто-то предложил сделать котике инъекцию снотворного. Я воспротивилась.

– Я сама спасу своего любимца! – заявила я.

Мое предложение вызвало легкое замешательство. Я была уверена, что Василиск, увидев меня, немедленно бросится мне на грудь. Он элементарно боится спасателей!

Подумав, их командир дал разрешение на то, чтобы меня спустили в колодец.

– Вам не стоит беспокоиться, – сказал побывавший дважды на дне колодца, – воды там нет, ваш кот сидит в углу и воет.

Никогда бы не подумала, что мне придется пережить такое! Меня, обвязанную тросом, потихоньку опускали вниз. Моему взору открылись старинные каменные стены, покрытые зеленоватым мхом. В нос ударил резкий запах гнили и тления. Как только я извлеку Василиска из колодца, велю немедленно завалить эту пещеру камнями или песком! Не хватало еще, чтобы Лоханкин снова угодил сюда!

– Эй, осторожнее! – подала я реплику наверх. Колодец был довольно глубоким, метров около десяти. Василиск все стонал и стонал. Внезапно я почувствовала, что лечу! Какой-то идиот выпустил трос из рук – или он порвался! До земли оставалось около двух метров, которые я преодолела в свободном падении.

Дно колодца было усеяно камнями и затвердевшей илистой глиной.

– С вами все в порядке? – участливо осведомился какой-то идиот с поверхности. – Извините, пожалуйста, но наш трос не рассчитан на подобные нагрузки...

– А на какие он рассчитан?! – закричала я в ответ, поднимаясь с карачек. – Вы едва не угробили меня и моего кота!

– Не беспокойтесь, мы извлечем вас в два счета! – заверил меня командир спасателей.

– Буду премного благодарна, – ответствовала я. – Уверю вас, у меня нет ни малейшего желания провести остаток своих дней на дне этого колодца! И в темпе престо, уважаемые, в темпе престиссимо! Поживее, поживее, если вы по-итальянски ни бельмеса!

Судя по переговорам, которые судорожно велись наверху, молодые люди итальянского не знали, отдавая предпочтение герцословацкому мату. Глаза постепенно привыкли к полумраку, который царил на дне колодца. Только тонкий луч фонарика, очевидно, брошенного спасающимся от когтей кота спасателем, тускло освещал нутро колодца. Василиск бросился ко мне с воплями. Я подхватила чумазое создание и прижала к груди. Лоханкин заурчал и нежно куснул меня.

– Мамочка здесь, мамочка тебя спасла! – говорила я, глядя кота. Васисуалий прильнул ко мне и запыхтел.

– Мы кинем вам веревку, а вы обвяжите ее вокруг талии, – раздался голос.

Я была вне себя от радости. Василиск спасен, теперь предстояло спасти меня.

– Тащите лестницу или что-то подобное, – сказала я. – Не собираюсь повторять подвиги Карлсона! Вам ясно, уважаемые? Я хочу подняться наверх с комфортом!

Спасатели снова начали экстренное совещание, я же осмотрелась. Колодец можно использовать в качестве погреба. Или будь у меня внуки, они бы устроили здесь подземный штаб. Мысли о внуках расстроили меня – я вспомнила о разлучнице Беверли и Алисочке. Нестерпимо хотелось курить.

Васисуалий, мой любимый кот, мирно спал у меня на руках. Похоже, не суждено мне понять внуков, но с котами не будет проблем!

Луч фонарика в моей руке остановился на непонятном предмете, который я приняла за большой камень или что-то в этом роде. Да нет же, это ящик! Точнее, огромный чемодан.

Так и есть, на дне пересохшего колодца лежит чемодан. Я подошла к нему и попробовала толкнуть ногой. И как он здесь оказался? Вполне логично предположить, что, если бы о существовании колодца мне было известно раньше, я использовала бы его как хранилище ненужных вещей. Но кто бросил сюда чемодан? И когда?

Я попыталась оторвать Васисуалия от груди, но кот впился когтями в мою блузку. Чемодан не похож на старинный. А ведь он должен быть таким, если предположить, что он покоится здесь с конца двадцатых. Нет, он, может быть, и не новый, но вполне современного дизайна.

– Мы спустим вам лестницу! – уверили меня сверху. – Потерпите еще немного!

Мне стало любопытно. Такого чемодана в нашей семье никогда не было. Значит, кто-то бросил его сюда или до того, как дача перешла в собственность нашей семьи (мои родители получили ее в конце пятидесятых), или... Или кто-то сделал это позднее без нашего ведома!

Как-то глупо выбрасывать ненужный чемодан в старый колодец. Да и кто мог знать о существовании этого колодца? Я – не знала! Не проще ли было отправить чемодан на свалку?

Некто притащил его к нам на участок, поднял тяжелую металлическую крышку и швырнул его сюда, на дно. К чему такие усилия? И чемодан, судя по всему, все еще в приличном состоянии, и вообще импортного производства.

Я склонилась над кофром. Его темно-желтая кожаная поверхность была покрыта легким налетом плесени. Наклейка! Она побелела и съежилась от сырости, но на ней все еще можно было разобрать буквы NY. Наверняка Нью-Йорк! Злодей – иностранный шпион?

Чемодан оказался закрыт, и ключей не было. Не беда, я нащупала небольшой булыжник и с силой ударила по одной из металлических застежек.

С третьего раза застежка отскочила. Другая отошла только с пятого удара. В чемодане что-то есть – он был неподъемным. Неужели кто-то решил таким нетривиальным образом избавиться от коллекции старых порнографических журналов или грязных панталон?

Спасатели начали спускать лестницу, по которой мне предстояло вознестись наверх. Я попыталась приподнять крышку. Заклинило! Я рванула крышку чемодана на себя, и она поддалась.

– Осторожнее! Теперь вы можете подниматься наверх!

Я распахнула крышку. Еще до того, как я разглядела содержимое, в лицо мне ударил странный гадкий запах, который заставил меня вспомнить о прошлом лете – тогда в Перельгине по техническим причинам отключили на несколько суток электричество, сгорела подстанция или что-то подобное. Примерно так же несло из морозильной камеры, в которой протухли мясные запасы.

В некогда белую, а теперь коричнево-серую клеенчатую скатерть с изображением легкомысленных Незнаек, Винни-Пухов и Коньков-Горбунков было что-то завернуто. Что-то, имеющее очертания человеческого тела. Я нащупала край скатерти и потянула его на себя.

Боже, что же это такое? Спасатели давали мне наставления, но я не слышала их. В чемодане в скрюченной позе зародыша находилось человеческое тело. Я не эксперт, поэтому не могу сказать, что именно я лицезрела – это был не скелет, но и не труп, а нечто среднее.

Человек походил на мумию, такие время от времени находят в торфяных болотах или где-нибудь в Андах. Коричневая блеклая кожа, местами висящая лохмотьями, обтягивала тонкий скелет. Невозможно было определить ни пол, ни возраст этого создания. Однако, судя по светлым волнистым волосам, которые спадали на костистые плечи и закрывали то, что некогда было лицом, скорее всего, передо мной лежала женщина. Я в страхе смахнула с ее лица волосы.

Глазницы мумии были пусты, шерившийся черными зубами рот приоткрыт в безмолвном крике. Неужели такое бывает? Ведь если кто-то сбросил в колодец труп, то от тела должна остаться пара костей, не более того!

Я вспомнила передачу, которую видела не так давно по одному из научно-популярных каналов. Оказывается, если тело находится в особой среде, то оно не подвергается процессу распада, а произойдет естественная мумификация. Похоже, нечто подобное приключилось и с этим чемоданным трупом.

– Серафима Ильинична! – голос одного из спасателей вернул меня к действительности. – Вы можете подниматься наверх! Лестница надежна и прочна, она выдержит вас и вашего кота!

Ничего, подождут! Все же не каждый день находишь на дне таинственного колодца чемодан с человеческой мумией. Я боязливо прикоснулась к руке мертвеца. Темная кожа походила на пергамент. Мне стало безумно жаль эту несчастную – я уже уверилась в том, что передо мной женщина.

Мое предположение подтвердила сверкнувшая в ухе мумии сережка. Я посветила фонариком – оригинальный дизайн и – я неплохо разбираюсь в драгоценностях – не бижутерия, а настоящие камни – основание в виде крошечного месяца из бриллиантов и покоящееся на нем солнце, крупный рубин. Наверняка старинная работа. И куплена не на зарплату среднестатистического герцословацкого инженера.

А вот другое ухо... Я закусила губу, заметив порванную мочку. Кто-то с дикой силой вырвал парную сережку. Какой зверь!

В ногах мумии лежали грязные тряпки – видимо, одежда жертвы. Некто – убийца! – расправился с несчастной, затем снял с нее все вплоть до исподнего, запихнул это все в огромный чемодан, который затем сбросил в мой колодец! Каково нахальство! Никто не имеет права сбрасывать в мой колодец, пусть даже до сегодняшнего дня я не имела о его существовании ни малейшего понятия, чемоданы с трупами!

На ум пришел «комплимент», которым огорошил в 1926 году мою бабулечку, тогда молодую красавицу, дух Александра Сергеевича Пушкина во время подпольного сеанса спиритизма (мои родичи жили в то время в Советском Союзе): поэта попросили сказать юной девице что-нибудь приятное, но призрак, по всей видимости, был в тот день не в духе, поэтому и выдал: «Жили-были, сдохли-сгнили». Бабушка, помнится, даже пятьдесят лет спустя выговаривала «солнцу русской поэзии» за бестактность и амикошонство.

Вот оно, наглядное подтверждение хрупкости бытия: «жили-были, сдохли-сгнили»... Мда, в чем-то Александр Сергеевич был, конечно, прав...

Отчего-то я решила, что бедняжка стала жертвой убийцы-мужчины. Да и кто еще, если не здоровый мужчина, в состоянии поднять чемодан, в котором покоится мертвая женщина? Не только поднять, но и пронести его, поднять тяжелую металлическую крышку колодца и швырнуть туда жертву убийства.

О, это непременно было убийство! И не говорите мне, что передо мной женщина, умершая от сердечного приступа или несчастного случая. Тот, кто спрятал ее в мой колодец, знал, что делает. Он стремился избавиться от тела. Это было убийство, и точка!

Василиск пустил мне под кожу когти, я же извлекла из-под кучи тряпья кокетливую дамскую сумочку. Небольшая, из зеленоватого кожзаменителя, вышитая бисером. Такие были в моде лет двадцать пять назад. Значит ли это, что четверть века в этом колодце лежит жертва так и не раскрытого убийства?

– Эй, госпожа Гиппиус, вам помочь? Сейчас к вам спустится один из наших спасателей!

Любопытство – движущая сила эволюции. Наверняка то, что я делаю, глупо. Нужно вызвать полицию, чтобы та попыталась отыскать следы, которые могут привести к убийце – или убийцам! Но полиция последние лет двадцать пять не имела представления об этой смерти, поэтому может подождать лишние пять минут.

Мозг мой работал лихорадочно. Вообще-то я – большая поклонница детективов, и масса ярких и забавных романов, которые заполнили в последние годы книжный рынок, бальзам для моей души. Разумеется, я и под угрозой гестаповских пыток не признаюсь в том, что читаю подобные опусы. Еще бы, Серафима Гиппиус просто по определению не может увлекаться «примитивной литературой».

По официальным данным, мои настольные произведения – «Улисс» Джойса, «Гептаameron» Маргариты Наваррской и «Завтрак у Тиффани» Трумэна Капоте. Что правда, то правда – три книженции давно пылятся на моем рабочем столе, однако это, так сказать, сценическая декорация. На самом деле я предпочитаю герцословацкую беллетристику и ее гранд-дам: наслаждаюсь интеллектуальными романами Александры Маринич, хохочу, как сумасшедшая, над ироническими детективами Дарьи Донец и хлюпаю носом, залпом проглатывая романтические сказки Татианы Устиняк!

Тот, кто спрятал труп в моем колодце, должен, во-первых, знать, что колодец имеется – я прожила в Перельгине почти сорок лет и понятия не имела о том, что на моем участке есть нечто подобное. Не угоди Василиск в западню, чемодан с мумией лежал бы здесь до Второго пришествия!

А во-вторых, вряд ли человек, ухандакавший кого-то в Экаресте, повезет труп в Перельгино. Если и повезет, то в том случае, если живет здесь и знает эту местность как свои пять пальцев.

Мне стало страшно. Что же получается, убийца – кто-то из моих милых соседей? Или... Или кто-то из моей семьи? Я точно знаю, что никого не убивала (я вообще человек беззлобный и прекраснодушный, а надзирательница из концлагеря в «Ярмарке тщеславия» – это имидж, который позволяет мне неплохо зарабатывать на пару бутербродов).

Мои родители скончались: отец три года назад, мама в 1994-м. У меня есть старшая сестра Вероника, та самая профессорша-сексолог, она попеременно живет в Экаресте, Иоаннграде, Нью-Йорке и Париже, и если посещает меня в Перельгине, то без чемоданов с трупами! И наш младший братец Илюшенька! Соверши он убийство, не стал бы прятать труп здесь!

И почему кто-то спрятал тело именно в колодце? А не вывез его в лес и не зарыл под осинкой? Или не спихнул с гирей у ног в близлежащую речку Клызму?

Пока спасатель, который спешил ко мне и Василиску на помощь, не добрался до нас, я раскрыла сумочку. О, мне повезло – даже паспорт имеется! Я торопливо пролистала слипшиеся страницы, подставив их под луч света от фонарика. Выписан на имя Татианы Сергиевны Шепель, родившейся 28 мая 1957 года в городе Кроловец. Прописка кроловецкая и временная экарестская.

С черно-белой фотографии на меня смотрела миловидная блондинка, и я со страхом подумала, что мумия, которая лежит передо мной, и эта красотка – один и тот же человек! В сумочке был плетеный кошелек, содержащий забытые деньги эпохи социалистической Герцословакии – телесного цвета бумажный форинт и никелевую мелочь.

И книга! Еще до того, как я раскрыла ее, мне было известно название: «Шалтай-болтай сидел на стене, Шалтай-болтай свалился во сне...»

Черная суперобложка и имя автора синими буквами – Серафима Гиппиус. Это мой первый сборник рассказов, вышел в свет в июле 1981 года. Мой первенец...

Я распахнула «Шалтая» – на форзаце моим размашистым почерком было начертано: «Татиане с наилучшими пожеланиями от автора. 12 июля 1982 года». И моя подпись!

Двенадцатого июля 1982 года состоялся мой первый творческий вечер и встреча с читателями. Он прошел в столичном Доме писателя. Моя звезда начала стремительно восходить на герцословацком литературном небосклоне. Я во всех деталях помню этот вечер. И помню, что подписала никак не менее трех сотен «Шалтаев».

Татiana... Она была там и получила мой автограф. А затем ее в течение ближайшего времени убили. Вряд ли она бы стала долго носить в сумочке мою книгу. И ее убийца сбросил тело в мой колодец! Нет, вы только подумайте, какая дерзость!

– Серафима Ильинична, я пришел к вам на подмогу, – молодой спасатель в оранжевом комбинезоне ступил на дно колодца. – Ах, вот и котик. Давайте я помогу вам выбраться отсюда!

Я повернулась к молодому человеку. Васисуалий храпел у меня на груди. Спасатель в изумлении посмотрел на распахнутый чемодан и мумию, которая покоилась в нем.

– Сначала мы выберемся отсюда, а затем я вызову полицию, – сказала я. – И учтите, безнаказанным этот кошмар не останется! Не будь мое имя Серафима Гиппиус!

Дусик Стрешневич 28 августа

– Дусик, милый, принеси-ка еще шампанского, – Заревласта волооко взглянула на меня и качнула рукой, унизированной перстнями.

Эта фраза означала, что я должен сорваться с места и притащить ей и двум ее подружкам, с которыми она мило чирикала последние сорок минут, по бокалу пенящегося вина.

– Дусик, мальчик мой, я тебя прошу, – подала голос одна из ее подружек.

Я одарил дам развратно-мальчишеской улыбкой, в душе проклиная Заревласту и ее товарок. Ненавижу, когда меня называют Дусиком. А Заревласта находит это крайне возбуждающим и пикантным. Скажу по секрету – для нее почти все является «возбуждающим и пикантным». Это ее любимые слова.

Я оторвался от группы богатых бездельниц, которые перемальвали косточки общим знакомым и подвергали суровой критике наряды приглашенных дам и количество пластических операций у соперниц, и направился к официанту.

Тот с пониманием взглянул на меня. Наверняка ему знакомы такие типы, как я: молодые, с великолепной фигурой и белозубой улыбкой. Типы, которые состоят в альфонсах при стареющих богатых тетках и зарабатывают себе на жизнь искусством любви.

– Дусик, как же мы тебя любим, – пролепетала одна из подруг Заревласты, когда я вернулся и вручил каждой из дамочек по бокалу.

Динара состроила мне глазки, и я с содроганием вспомнил, что не далее как десять минут назад именно она пыталась ухватить меня своими толстыми пальцами за самое ценное, что так копируется в столичных будуарах.

Заревласта с ревностью посмотрела на Динару и сказала:

– Динарочка, душенька, так как ты избавилась от лишних двадцати килограммов? Летала на липосакцию в Швейцарию?

Я отвернулся. Слушать колкие разговоры, суть которых сводилась к трем темам – новым любовникам, новым шмоткам и новым косметическим операциям, мне надоело.

– Дусик, составь нам компанию, – требовательно произнесла Заревласта, и я, натянув на лицо очередную улыбку, предстал пред ее ликом. Ссориться с Заревластой в мои планы не входило. И плевать на то, что она зовет меня Дусиком, хотя знает, что я не выношу этого.

Дусик – это производное от Димусика, так как имя, данное мне при рождении, – Дмитрий. Одна из моих «подруг» именовала меня Лжедмитрием (дама была доктором наук, крупнейшим специалистом по эпохе Бориса Годунова и Смутному времени, и при этом одинока до ужаса), а в минуты страсти, колотя меня по спине, титуловала «Гришкой Отрепьевым» и «распутным монахом».

Кое-кто звал меня «Крокодильчиком», однако в основном мои клиентки ограничивались «Димочкой» и «Димасенькой». Заревласта же изобрела собачью кличку «Дусик», чем неимоверно гордилась.

Я сладко улыбнулся Динаре, и та свекольно покраснела. Динара мне нравилась больше, чем Заревласта, однако у меня не было шансов перейти в ее распоряжение. Муж Динары – один из столпов нефтегазового бизнеса в Герцословакии, ему принадлежит половина акций самого крупного отечественного концерна, где он является вице-президентом. Он не потерпит, чтобы его жена предавалась любовным утехам на стороне, да и я не буду настраивать против себя столь могущественного человека.

С Заревластой было проще – она два года назад развелась со своим мужем – консервным мультимиллионером. Он щедро подарил ей то ли тридцать, то ли пятьдесят миллионов долларов, которые та теперь с успехом тратит. Мультимиллионер отыскал себе фотомодель, и сорокалетняя жена его больше не устраивала.

Как я дошел до жизни такой? Еще в школе я понял, что обладаю способностью пленять женские сердца. В университете это помогло мне без проблем учиться пять лет и получить диплом юриста – моя научная руководительница, дама пятидесяти восьми лет, накануне защиты диплома пригласила меня к себе «обсудить дипломный проект». Мы его и обсудили – на продавленной кушетке в отсутствие супруга. Хотя у меня не было написано ни строчки, я получил заветный высший балл и отличные рецензии на свою работу. Профессорша предложила мне пойти к ней в аспирантуру, явно предвкушая три года разнообразной сексуальной жизни, но я вежливо отказался, сославшись на острую необходимость зарабатывать деньги.

Юристом я отработал полмесяца на разваливающемся заводе, куда меня устроила дама – заместитель директора в благодарность за незабываемый вечер и еще более незабываемую ночь. Когда же предприятие окончательно испустило дух, я понял, что не стоит тратить понапрасну силы, и нашел место инструктора по фитнесу в элитном спортивном клубе.

Моя спортивная фигура производила впечатление на женщин, а знание основ психологии позволило мне быстро найти подходящую жертву. Хотя она думала, что сама нашла меня и соблазнила в тесной комнатке, где стояли поломанные тренажеры.

Она была богата (точнее, ее муж был богат), одинока и несчастна. Ей требовался не столько регулярный секс, сколько человеческое общение и внимательный собеседник. Я навещал ее в экарестской квартире – муж частенько летал за границу и проводил ночи якобы на совещаниях совета директоров.

Она рассказывала мне о своих детях, которые учились в Англии и Штатах, показывала фотографии любимых крестников, я кивал головой и выполнял свои нехитрые функции. Мы расстались по взаимному согласию, и по ее пламенной рекомендации я перешел в собственность ее же лучшей подруги.

Этим бизнесом и занимаюсь почти десять лет. С недавних пор я стал замечать, что конкуренты в лице молодых и смазливых жиголо начинают наступать мне на пятки. Два месяца назад мне исполнилось тридцать. Многим требуются мальчишки двадцати лет от роду, я же считаю практически пенсионером.

Я и сам понял, что еще год или два и мне придется искать тихую гавань. Или жениться на одной из дамочек и перейти из разряда любовников в разряд мужей, или...

Я не накопил много денег, почти все уходит на поддержание привычного образа жизни и физической красоты. Поэтому я и очутился в постели у Заревласты – мне казалось, что она готова сделать меня своим новым мужем.

Но это не так. Заревласту устраивают наши нынешние взаимоотношения. Поэтому необходимо проявлять изобретательность.

– Дусик, – ворковала Динара, – я не умею плавать. Ты должен научить меня! Знаешь, мой муж улетает завтра в Хельсинки, оттуда в Брюссель, а затем в Вашингтон. На целых две недели! Подписывать контракт десятилетия на поставку газа или что-то в этом роде. Так что подъезжай ко мне, у нас замечательный бассейн! Научишь меня многим новым вещам...

Она плотоядно облизнулась. Заревласта резко встала:

– Динарочка, Дусик не может! И вообще, тебе нечего бояться утонуть – у тебя с этим проблем быть не должно!

Заревласта с торжеством окинула взором плотноватую фигуру Динары. Я сдержал вздох. Как же мне все это надоело! Похоже, мой пенсионный возраст не за горами, и для меня это станет катастрофой. Если не случится чуда и Заревласта не выйдет за меня замуж.

Я знал, что чуда не случится. Значит, придется в самом деле возвращаться к работе в качестве спортивного тренера, довольствуясь изредка недлительными интрижками.

Мои спутницы продолжали разыгрывать из себя героинь сериала «Секс в большом городе». Я мысленно проклял Заревласту за то, что она решила присутствовать на открытии этой художественной галереи. Ну еще бы, она мнит себя знатоком искусства, хотя не может отличить Рубенса от Ренуара, и пожертвовала пару тысяч долларов на благие цели. Поэтому когда ей пришло золоченое VIP-приглашение, она заявила, что мы обязаны посетить эту вечеринку.

По холлу галереи фланировала разряженная публика. Дамы в вечерних туалетах от кутюр и сверкающих драгоценностях, господа в смокингах. В галерее выставлялись работы некоего Стефана д'Орнэ. Имя не должно никого вводить в заблуждение – это никакой не французский импрессионист, а герцословацкий художник начала двадцатого века. Я никогда не слышал о нем, и вот его внук решил представить народу творчество своего деда.

Заревласта заявила, что полотна Стефана д'Орнэ пользуются бешеной популярностью и растут в цене, она приобрела себе страшноватую картину и повесила ее в лавандовой гостиной.

Ну, д'Орнэ так д'Орнэ. Бывает и хуже. Кто-то – скорее всего внук художника – решил «раскрутить» дедовскую мазню, чтобы потом сделать на этом капитал. Каждый зарабатывает как может. И чем может.

Сам внук художника находился среди публики – высокий, с черными, ниспадающими на плечи волосами и в стильном черном костюме-тройке. Прямо-таки Люцифер собственной персоной! Внука звали так же, как деда, – Стефан. Вместе с ним была и дочка д'Орнэ, по совместительству мать Стефана-младшего: чопорная старуха в лимонного цвета платье и желтых бриллиантах. Семейство художника, как я погляжу, вовсе не бедствует.

Я украдкой взглянул на часы. Половина девятого. Все это затянется до полуночи. Сначала будет речь наследников великих традиций, затем выступление заместителя мэра, далее – слова приветствия модной писательницы и знаменитой телеведущей Серафимы Гиппиус...

Мне стало не по себе. И на что только я трачу свою жизнь! Заревласта продолжала щебетать с подругами. Я осторожно отделился от них и проскользнул за красную ленту, которую должны перерезать через десять минут.

Помещения галереи были пустынные, на белых стенах висели шедевры творчества Стефана д'Орнэ. Нечто среднее между прерафаэлитами и экспрессионистами. Мне вспомнилась одна сплетня об этом художнике. Что-то не совсем хорошее – кажется, некоторое время он провел в стенах сумасшедшего дома. Причем не в Советском Союзе, где так избавлялись от диссидентов и инакомыслящих, а в Париже – он жил там в двадцатые годы.

Я услышал чьи-то всхлипывания. Или мне показалось? Осторожно подошел к двери мужского туалета и распахнул ее. Моему взору предстала следующая картина: молодой человек судорожно отмывал руки под струей воды. Причем вода в раковине была ярко-красного цвета. Это что, краска?

Заметив меня, хнычущий молодчик отпрянул. Словно чего-то боится! И откуда мне знакома его физиономия? Ему на вид лет двадцать с небольшим... И тут меня как молнией ударило – ну еще бы, это ведь Сережа Бунич!

Завсегдатай зланных вечеринок, посетитель самых крутых ночных клубов, представитель «платиновой молодежи», обормот и лентяй.

И кроме того, родной сын нынешнего президента страны.

Я никак не мог понять, почему у столь энергичного и деятельного человека, каковым является наш глава государства, появился на свет такой никчемный и склонный к праздности отпрыск. Сережа – студент одного из престижных экарестских вузов, а на самом деле он предается веселой богемной жизни. Заявляется в самый шикарный и модный клуб в сопровож-

дении охраны и своих разнузданных приятелей, беспардонно ведет себя, прекрасно понимая, что его никогда не выставят прочь – его, сына президента!

У него есть сестра-двойняшка. Они родились с интервалом в пять минут. Вот про сестренку ничего не известно, говорят, что она учится где-то в Швейцарии. А Сережа предпочел остаться в Экаресте. Ему нужен столичный драйв. Ну, и покровительство всемогущего папы.

У меня создалось впечатление, что молодой человек находится под воздействием наркотиков. Руки у него заметно дрожат, глаза бездумно распахнуты. Оставив воду течь из крана тугой струей, он стал вытирать руки бумажным полотенцем.

Кровь! Вот это что! На бледно-синий кафель стекали капли воды, перемешанной с кровью. Он что, пытался покончить с собой? Или порезался?

– Она там, – произнес президентский сын тусклым, срывающимся голосом. Он достал из внутреннего кармана смокинга пузырек, извлек из него несколько крошечных таблеток и проглотил их. – Она там...

– Кто? – не нашел ничего умнее спросить я.

Да что такое здесь происходит? Что натворил Сережа Бунич?

– Она, – произнес молодой человек таким тоном, как будто я был обязан знать, о ком идет речь. – Но клянусь вам, я не убивал ее! Я подошел к ней... Она была мертва... Я попытался ей помочь. И нож... Он там...

На секунду он замолчал, затем отшвырнул бумажное полотенце, покрытое кровавыми разводами, и вылетел вон. По всей видимости, юноша переусердствовал со спиртным или наркотиками. У него уже начались галлюцинации. Но у меня-то видений нет – кровь в умывальнике и прочая дребедень самые что ни на есть натуральные! Или?

Или это может быть алой краской, а не кровью. Кто-то решил жестоко подшутить над сыном президента? Я бы никому не советовал заниматься подобным. С таким папой, каковым является президент Герцословакии Гремислав Гремиславович Бунич, лучше не шутить.

О ком вел речь Сережа? Как я понял, о какой-то женщине. Я снова оказался в залах галереи. До меня доносился гул гостей, собравшихся в холле. Кажется, кто-то начал произносить вступительную речь. Это значит, что через несколько минут перережут красную ленту, и пара сотен человек разбредется по залам вернисажа.

Я поочередно заглянул в несколько помещений. Только величественные картины на стенах и ни единого трупа. Все понятно, молодому человеку уже мерещатся мертвецы. И это в двадцать-то с небольшим лет! Право же, родителям надо лучше следить за своими великовозрастными детьми!

С чего я взял, что это вообще кровь? Вдруг это один из глупых розыгрышей, нацеленных на то, чтобы раздуть вокруг галереи Стефана д'Орнэ скандал в прессе? А сын президента? Он мог вполне согласиться участвовать в таком мероприятии, даже не спросив разрешения у могущественного папочки. Тот, понятное дело, никогда бы не дал «добро», вот Сережа и проявил инициативу.

Я уверился в мысли, что это идиотский розыгрыш. Сейчас таких полно на телевидении, причем жертвами часто оказываются знаменитости. Но если я и знаменитость, то исключительно среди одиноких и богатых дам среднего возраста.

Заревласта наверняка обыскала меня. Дома устроит истерику и заявит, что я якшался с девицами. Я бы тоже не поверил, если бы кто-то пытался уверить меня, что разыскивал труп в залах галереи. Для очистки совести я заглянул еще в одну комнату.

Она лежала на паркетном полу. Я оцепенел. Значит, все же розыгрыш, билась у меня в голове одинокая мысль. Но как-то слишком правдоподобно. Да и розыгрыш слишком жестокий.

Стараясь не шуметь (не знаю отчего, но я боялся, что мои шаги разносятся по всей галерее), я подошел к женщине, которая лежала на полу.

Молодая и привлекательная, с идеальной фигурой, облаченная в шелковое черное платье с меховым воротником. Платье (наверняка от известного модельера!) не скрывало ее идеальные длинные ноги топ-модели. Руки раскинуты в разные стороны, на пальцах сияют крупные бриллианты и изумруды.

Девочка явно не из социально нуждающейся семьи. На открытии галереи Стефана д'Орне собрались самые богатые, стильные и спесивые. Лицо жертвы было закрыто ее же длинными платиновыми волосами.

Повинуясь секунднему импульсу, я склонился над телом и откинул с лица девушки волосы. Ах, я ведь знаю ее! Драгостея (или Драга: что правда – то правда, всем своим любовникам девочка влетала в копеечку) Ковтун, дочь одной из лидерш демократической оппозиции. В то время как миловидная мама с пеной у рта доказывает ложность курса президента Бунича, дочурка блистает в экарестской тусовке и предается «сладкой жизни».

О Драгуше ходило великое множество сплетен. Ее называли «нашей Пэрис Хилтон» с явным намеком на длинноногую красавицу – наследницу миллионов, которая царит в нью-йоркском обществе. Мама Драги, Людослава Ковтун, сетью отелей по всему миру не владеет, но я не сомневаюсь, что ее дочка покупала точно такие же наряды и драгоценности, как и пресловутая Пэрис.

Для поколения эпохи Элочки Людоедочки кумиром была дочурка миллиардера Вандербильда, иконой молодых представителей «избранных десяти тысяч» эры Гремислава Гремиславовича Бунича стала она – «наша Пэрис», вернее, «наша Драгуша».

Драгуша одновременно крутила романы с несколькими олигархами, выбирая своих ухажеров в первую очередь из-за их богатства и известности в тусовке. Фотографии Драги в объятиях того или иного мультимиллиардера регулярно появлялись на страницах желтой прессы и по телевидению. То белохолмский миллионер, который презентует ей «Порше», то владелец химического концерна, одаривающий ее алмазами царицы Анны Иоанновны, то обезумевший вице-спикер, готовый ради Драгуши бросить жену и семерых детей. Малышка умело использовала всех их, с легкостью перешагивая через своих наивных поклонников, едва на горизонте показывался новый, более известный и состоятельный.

Драгуша дружила со светскими хроникерами, позволяла щелкать себя во всех ракурсах (а за это ее имя не сходило со страниц глянцевого журналов и таблоидов) и ездила на авто с госномерами (мамочка помогла). «Наша Пэрис» стала символом поколения бездельников, а газеты благодаря ангельскому лику Драгостеи и описаниям ее походов заметно увеличивали тираж.

Именно Драгушеньке принадлежали бессмертные высказывания вроде «Нет более тяжкого греха, чем быть скучной». А девизом ее карамельно-зефирной жизни стал ответ на вопрос: «Как вам удастся быть постоянно в центре внимания?» «Это очень просто: нужно постоянно улыбаться и как можно меньше говорить!» – честно призналась Драга.

Помимо этого, Драгушка некоторое время назад вела по молодежному каналу сексуальную робинзонаду – и в этом она шла по стопам своего образца для подражания Пэрис Хилтон. В программе две дюжины молодых людей, пышущих полным отсутствием интеллекта, но зато с пенящимися в крови гормонами, заперли на несколько месяцев в особняке, где камеры были даже в душе и туалете. Драга время от времени появлялась на экране, комментируя происходящее и подвергая участников шоу разнообразным истязаниям. В эфир шли водные игры в бассейне без купальников и страстные французские поцелуи на кухне под аккомпанемент сгорающих тефтелей. Наиболее смачные моменты зрителям не демонстрировались, желающие могли лицезреть их в Интернете за отдельную плату. Затем телезрители посредством голосо-

вания должны были выбрать того (или ту), кого надлежало удалить из программы. Победитель, продержавшийся до финала, получал миллион форинтов и машину.

Никто не сомневался, что программа была затеяна с единственной целью – сделать знаменитой саму Драгушу, на этот раз не только в столичном обществе, где ее знали очень даже хорошо, а среди простых смертных. Девочка явно лелеяла мечту о крутой телевизионной карьере и всеобщем обожании.

– Драга, – позвал я «нашу Пэрис Хилтон». Ее голубые глазки (скорее всего, это контактные линзы) смотрели в потолок, пухлые розовые губки были приоткрыты, на пышной груди покоилась платиновая цепочка с уникальным квадратным сапфиром – подарком второстепенного американского актера, последнего из друзей Драгостеи. Как она красива! Создавалось впечатление, что девушка спит.

Что-то хлопнуло у меня под подошвой. Драгушенька лежала в луже застывающей крови. А ее тонкую белоснежную шейку пересекал уродливый шрам. Некто безжалостно перерезал Драге Ковтун горло.

Перерезал диковинным ножом, который я сначала и не заметил – старинный, серебряный, с витой рукояткой в виде распахнувшей пасть рыбины и глазами – крошечными жемчужинами. Нож был остро заточен, на лезвии запеклась кровь. Таким не убивают, а обедают на приеме у голландской королевы.

Я понятия не имею, что следует делать в подобных ситуациях. Звать на помощь? Или ретироваться? И какой черт только дернул меня заглянуть в этот зал!

Мое внимание привлекла большая картина в массивной раме, перед которой лежало тело Драгуши. Полотно изображало обнаженную красавицу с пламенно-рыжими волосами, которая покоилась на ложе. Мне не понравилась нагловатая ухмылка этой особы на картине. И еще...

Эта красавица, изображенная Стефаном д'Орнэ, как две капли воды походила ликом на Драгу Ковтун. Ту самую Драгу, которая лежала в метре от полотна – убитая неизвестно кем!

Так и есть, только цвет волос другой: у женщины на картине огненный, у Драгушеньки – платиновый. Насколько я могу судить, Драга меняла цвет волос примерно раз в две недели, вверяя себя заботам великих стилистов и парикмахеров. И не удивлюсь, если подлинный ее колор – рыжеватый.

Я склонился над табличкой и прочитал: «Картина из цикла «Семь великих добродетелей». «Мессалина», написана Стефаном д'Орнэ в 1912 году».

В 1912 году! Чуть ли не сто лет назад! Но ведь лицо одно и то же – что мертвая Ковтун, что распутная Мессалина, которая отводит рукой полупрозрачный полог, ожидая очередного любовника. Ничего себе «добродетель»!

И какое отношение ко всему этому имеет Сергей Бунич, сын президента? И почему убитая так похожа на Мессалину, написанную Стефаном д'Орнэ в 1912 году?

Вопросов было несоизмеримо больше, чем ответов. Кто сказал, что сын президента не способен на убийство? Он знал Драгушку – помнится, не так давно все желтые издания страны опубликовали их совместное фото – пьяноватый Сергей поддерживает за талию Драгостею, задирающую в позе Мэрилин свою мини-юбочку. Подали его под смачным заголовком: «Власть обожает оппозицию». Папе-президенту такое паблисити не понравилось. И ее маме – главе демократической партии, тоже.

Имеет ли Сережа Бунич отношение к смерти Драгуши Ковтун? Преступление ли это на почве страсти или выходка великовозрастного охламона, накачавшегося наркотиками? Мне не хотелось выяснять это.

Там, где замешаны сильные мира сего, а в особенности дети президента, возможно все.

Я ретировался и снова оказался в холле галереи. Массивная Серафима Ильинична Гиппиус завершала напутственную речь.

Заревласта, увлеченная перепалкой с подругами, не заметила моего отсутствия. Я вручил дамам по очередному бокалу шампанского.

– Дусик, на тебе лица нет, – произнесла Динара. – Кстати, тебе так идет бледность!

Я через силу улыбнулся.

– Дорогая, – шепнул я на ушко Заревласте, – быть может, мы уже поедим домой?

– Ты что! – воскликнула моя любовница. – Сейчас состоится открытие галереи. Нас ожидает много забавных сюрпризов!

Я вспомнил о теле Драги перед картиной-двойником. Заревласта и не подозревает, какие именно сюрпризы нас ожидают. Интересно, а меня кто-нибудь видел?

Я постарался отыскать среди гостей Сережу Бунича, но молодой человек исчез. Если он... Если он имеет некое отношение к смерти «нашей Пэрис», то задерживаться около ее бездыханного тела ему нет резона.

Настал момент, когда матушка Стефана-младшего, хрупкая пожилая леди, перерезала красную ленту золотыми ножницами, которые на серебряном подносе поднес ей сын.

Галерея была официально открыта. Заревласта взяла меня под руку и сказала:

– Дусик, не стоит туда ломиться в первых рядах. Подождем, пока толпа рассосется.

– Ты права, – ответил я Заревласте. Мы задержались в холле, смакуя превосходное французское шампанское. Ждать пришлось недолго. Сразу несколько отчаянных воплей внесли сумятицу в ряды собравшихся.

– Что это? – испуганно проговорила Динара. – Только бы не террористы!

Я знал, в чем дело: первые гости наткнулись на тело Драгуши, но предпочел не выказывать свою осведомленность.

– Дорогая, – обратился я к Заревласте, – и все же я предлагаю ретироваться, пока у нас есть возможность. Отчего-то мне кажется, что сейчас лучше всего уйти по-английски.

Заревласта, заметив панику среди гостей и суетящихся охранников, вняла моим предложениям, и мы покинули холл галереи, направившись к автостоянке.

Серафима Ильинична Гиппиус 25 августа – 3 сентября

Настроение у меня было отвратительным, и для этого имелось несколько причин. После обнаружения в колодце на моем дачном участке чемодана с трупом-мумией последние дни превратились в настоящую пытку.

Полиция пожаловала, когда окончательно стемнело. Мне пришлось до полуночи отвечать на вопросы нескольких полицейских чинов и объяснять, каким образом я наткнулась на чемодан. Никто не мог поверить, что это был прямой результат спасательных действий, направленных на извлечение Василиска из западни.

Мелкие полицейские чины удалились, их сменило начальство. Особое подозрение вызвало то, что, во-первых, труп обнаружен на моей даче, причем никто не мог взять в толк, что о существовании колодца я не знала. Во-вторых, мне вменялось в вину то, что я самовольно открыла чемодан, а не проинформировала полицию об обнаружении мертвеца.

– Помилуйте! – кричала я. – Не открой я крышку, никакого бы мертвеца и не было! Как я могла, не открыв чемодан, знать, что находится внутри? Я вам не Терминатор, у меня нет рентгеновского аппарата в правом глазу!

В-третьих, у бедняжки Татианы, чье мумифицированное тело я обнаружила на дне пересохшего колодца, имелась в наличии моя книжка с моей же дарственной надписью! По мнению кое-кого из полиции, это было не просто подозрительно, а крайне подозрительно!

– Будь я убийцей, то, поверьте мне, не стала бы вызывать полицию и открывать чемодан! Неужели это так сложно понять? И вообще, убей я эту несчастную, которую в глаза никогда и не видывала, то не стала бы прятать ее на своей даче, а зарыла бы в лесополосе или утопила в речке!

Мои кровожадные слова, призванные рассеять подозрения, только их усугубили. Мне пришлось доказывать, что я веду речь не о совершенном мной убийстве и не о том, как я избавилась от трупа, а о гипотетической возможности. Подполковник, который беседовал со мной, похоже, не знал, что такое гипотетическая возможность.

– Серафима Ильинична, – изрек он, – если вы имеете ко всему этому безобразию отношение, то вам лучше сделать чистосердечное признание. Суд учтет ваше раскаяние при вынесении приговора!

– О, я раскаиваюсь! – заорала я так, что даже Василиск, непосредственный виновник всей этой катавасии, лежавший на моих коленях, встрепенулся и вонзил в меня коготки. – Раскаиваюсь в том, что не закрыла чемодан и не оставила несчастную лежать на дне колодца! – продолжала бушевать я. – И она пролежала бы там сто лет, а меня никто не истязал бы ненужными вопросами!

Подполковник придерживался иного мнения. С его точки зрения, я была идеальной подозреваемой – знаменитая писательница убивает любовницу мужа и прячет ее тело у себя в колодце!

– У вашего мужа имеются любовницы? – задал мне вопрос гражданин начальник.

– Смотря у какого, – ввергая полицейского в краску, заявила я. – У меня имелось несколько мужей, каждый из которых содержал целый выводок любовниц. И поверьте, молодой человек, мне пришлось бы заполнить этот колодец трупами наполовину или даже на три четверти, если бы я решилась восстанавливать свою поруганную женину честь и уничтожать пассий всех моих экс-супругов!

– Я не веду речь о всех любовницах, возможно, одна из них досадила вам более других, – рискнул предположить подполковник, которого я опрометчиво назвала «молодым человеком».

Полицейскому было далеко за сорок, он то и дело утирал обширную лоснящуюся лысину подозрительно багрового цвета.

– Вам стоит использовать крем для загара, – сказала я и пояснила, видя полное непонимание в глазах подполковника: – Ваша лысина, ее надо смазывать кремом. Кожа на голове очень нежная, и если вы будете подвергать ее прямому воздействию солнечных лучей, непременно заработаете меланому.

Подполковник проигнорировал мою заботу о его здоровье и потребовал дать отчет обо всех пассиях моих мужей.

– Скажу вам честно, я не вела им счет и не записывала их координаты в записную книжечку, – саркастически ответила я. – Мне не было нужды убивать их, наоборот, я благодарна им за то, что они избавили меня от общества моих же мужей. И я им сочувствую – все мои супруги были избалованными, закомплексованными, чванливыми неудачниками. Я бы не только не убила тех женщин, которые увели их у меня, а вручила бы им переходящее красное знамя мыловаренного завода!

Снабдив полицию телефонами своих бывших мужей, я наконец-то осталась в одиночестве и немедленно отправилась в душ, а затем промаршировала в постель, где меня ждал единственный горячо любимый мужчина моей жизни – Васисуалий Лоханкин.

Я заснула, едва коснувшись подушки. На этот раз меня не терзали кошмары, шведский король не вручал мне Нобелевскую премию. Я проснулась среди ночи, сама точно не зная, отчего именно. Василиск храпел на простыне.

Сердце в груди билось как бешеное. Во рту пересохло, а в ушах звенело. Я поняла, что заставило меня проснуться – я слышала, как внизу, на первом этаже, кто-то ходит. Сначала я решила, что это продолжение сна, и уверила себя, что, стоит мне открыть глаза, и я окажусь в залитой дневным светом спальне.

Просидев несколько долгих минут на кровати, я осознала, что не сплю. А внизу кто-то в самом деле ходит. Дом у меня старый, деревянный, он частенько скрипит и стонет, но я могла поклясться – на первом этаже разгуливал неизвестный гость!

Ключа от особняка ни у кого не было. Артем живет в далекой Калифорнии и навещает старушку-маму от силы раз в год, и то всего на несколько часов перед тем, как отправиться в аэропорт. Моя сестра Вероника сейчас на очередном конгрессе в каком-то княжестве на Лазурном побережье (то ли в Монако, то ли в Бертроне) представляет результаты своего исследования душевного состояния ВИЧ-инфицированных проституток или что-то в этом роде. Мой братец Илья в Экаресте, на дачу его силком не затащишь, он – дитя городской цивилизации.

Ни у Вероники, ни у Ильи ключей от дома нет. Как нет их у соседей. Так кто же ходит внизу, ввергая меня в панический ужас?

Я отчетливо слышала, как кто-то щелкает выключателями на кухне. Этот некто чувствует себя здесь как дома. И он ничего не боится! Я никогда не испытывала такого страха, как в те минуты. Я сидела, сжимая в потных ладонях простыню, и прислушивалась к каждому шороху. Я не могла двинуться с места, опасаясь, что взломщик (я была уверена, что это вор) услышит меня и бросится в спальню, чтобы устранить ненужную свидетельницу.

Переборов страхи, я опустила затекшую ногу на пол. Осторожно привсталась, поморщилась, заслышав скрип половицы. Вор не должен знать, что я проснулась! Я приподняла трубку телефона – но гудков не было. Я едва не выронила трубку. Значит, взломщик все предусмотрел!

Внезапно мне пришла в голову мысль, от которой волосы едва не встали дыбом. Убийца! Убийца несчастной Татианы, которую я нашла в чемодане на дне старого колодца, вернулся! Хотя и прошло с момента убийства около двадцати трех лет, но монстр, который лишил девушку жизни, все еще помнит о своем злодеянии.

Я была в красной ночной рубашке, купленной когда-то во Флоренции, – шелк, рюши и кружева. Жаль, что в комнате нет ничего, что можно использовать как средство самозащиты.

Бочком я проскользнула в приоткрытую дверь спальни. Дверь, которую я задела животом, предательски скрипнула. Я в ужасе замерла.

Будто на пуантах, я осторожно ступила на лестницу. Зачем убийца проник в мой дом? И как ему это удалось? Я точно помню, что, выпроводив полицию, два раза проверила двери и окна – все было закрыто. Это раньше в Перельгине можно было не запираяться на ночь. Старые добрые времена безвозвратно прошли.

Чтобы не сойти с ума от страха, я запела. Вспомнилась назойливая ария Керубино из «Женитьбы Фигаро» на итальянском – все, что осталось в памяти после семи лет мучений в музыкальной школе. Пусть убивец поймет, что я спускаюсь вниз, и... и скроется, туды его в качель!

– Non so più cosa son, cosa faccio...

Шумы внизу стихли. И что теперь делать, спустаться навстречу своей смерти?

– ...or di foco, ora sono di ghiaccio...

Тут мне вспомнилась еще одна деталь – несколько лет назад я сменила замки во всем доме, старые пришли в негодность, поэтому умельцы поставили мне новые, импортные. А вот замок на кухонной двери остался прежним – что и двадцать пять лет назад!

Если это убийца, то у него могли иметься ключи от моего дома. И он мог проникнуть в особняк через кухню. Зачем? Он что-то ищет? Уничтожает улики? Но прошло так много лет...

– ...ogni donna mi fa palpar...

Или он пришел, чтобы ликвидировать меня?! Страх уступил место ярости. Никто не посмеет поднять руку на меня, Серафиму Гиппиус! Этот таинственный убийца совсем обнаглел – он не только прячет трупы на моем дачном участке, он шастает по моему дому, как по своему собственному.

– Solo ai nomi d'amor, di diletto...

Я зажгла свет. Зажмурилась на несколько секунд и начала нарочито громко спускаться вниз. Пусть знает, что я не лыком шита!

– ...mi si turba, mi s'altera il petto...

«Ишь чего, собирается меня убить или обокрасть! Не позволю!» – решила я, продолжая распевать во все горло.

Оказавшись у подножия лестницы, я снова щелкнула выключателем. Так и продвигалась вперед, вопя, прогоняя тьму и пытаясь увидеть того, кто ходил по моему особняку.

– ...un desio ch'io non posso spiegar!

В коридоре никого не оказалось, гостиная, комната для гостей, столовая и кабинет были пусты.

– Parlo d'amor vegliando...

Оставался погреб, идти в который мне вовсе не хотелось. Но задвинутый шпингалет свидетельствовал о том, что в погребе никого нет – даже Гарри Гудини не в состоянии, оказавшись в нем, закрыть дверь на шпингалет с наружной стороны.

Да и шпингалет был ужасно тугой, сдвинуть его с места и защелкнуть – настоящая проблема!

– ...all'acque, all'ombre, ai monti...

Мой голос предательски дрожал. Ну не Мария я Каллас и не Анна Нетребко!

Кухня! Так и есть, кухня! Я прислушалась. До моего слуха донесся еле слышный глухой удар – кто-то выскользнул на улицу, прикрыв за собой деревянную дверь-сетку. Так и есть, мой ночной противник ретировался.

– ...all'eco, all'aria, ai venti...

В руке я зажала веник, который разыскала около входа в подвал. Если наподдать им по лицу, то будет весьма больно и неприятно. Самое важное – эффект неожиданности.

Я снова ощутила страх. Ведь если это матерый убийца, то веник его не остановит.

Он справится со мной в два счета (ну, или в три, учитывая, что я, скорее всего, превосхожу его по весовой категории). Или в крайнем случае – в четыре.

– E se non ho chi mi oda...

И все же с криком финальных слов арии я ринулась на кухню, пронзая тьму веником, мои пальцы заскользили по деревянной обшивке в поисках выключателя. Мать Божья, да где же этот треклятый выключатель!

– ...parlo d'amor con me!!!

Больше петь было нечего. Я завизжала, потому что мне показалось, что из глубин помещения выныривает черная фигура...

Стрельнул выключатель, я была одна в пустой кухне. Шумно вздохнув, я подбежала к двери, ведущей в сад.

Приоткрыта! Но пока еще я не страдаю болезнью Альцгеймера и могу поклясться, что закрывала ее несколько часов назад перед тем, как улечься спать! Трясущимися пальцами я задвинула шпингалет и хлопнула второй, металлической, дверью.

В кухонное окно что-то шмякнулось, и я крикнула от страха. Да нет же, это всего лишь гигантская ночная моль, привлеченная светом лампы, хотела протаранить стекло. Затем я увидела, как мимо окна пронеслась черная фигура.

Этот мерзавец наблюдал за мной! Он наслаждался моим страхом. И, кроме того, видел меня во флорентийской ночной рубашке! Я не решилась выходить в сад. Нет, мой дом – моя крепость. Если убийца намерен выманить меня из особняка, у него ничего не получится!

Я опрометью бросилась к входной двери, уверенная, что убийца открыл ее изнутри, пока шастал по первому этажу – он может проникнуть в дом снова! Дверь была закрыта, а вот связка ключей, которая обычно торчит из замка, пропала.

Я затряслась. У него есть ключи от моего дома! У меня имеется запасной набор, но убийца теперь может в любой момент оказаться здесь!

Трельяж не поддавался, но я оторвала его от стены (сколько же паутины!), подтащила наследство бабушки к входной двери. Убийца не проникнет, или ему будет очень сложно ворваться в дом.

Я снова оказалась на кухне. И заметила выдвинутый ящик. Тут хранятся столовые приборы – вилки, ложки и ножи. Ножи!

Я лихорадочно пересчитала ножи. Кажется, нескольких не хватает. Одного остро заточенного с деревянной ручкой, тупого с пластмассовой красной, еще нескольких десертных. Что же это такое? Зачем вору понадобились ножи?

Зачем убийце ножи, спросила я сама себя. Такая поклонница детективов, как ты, Фима Гиппиус, должна догадаться зачем. Этот мерзавец запугивает тебя. Он мог лишить тебя жизни, если б хотел, но он предпочел украсть ключи и несколько ножей.

Я раскрыла еще один ящик и убедилась в том, что исчез мой праздничный набор – дюжина ножей и вилок в зеленоватом футляре из телячьей кожи. Старинная работа по серебру, наследие предков! Убийца прихватил и их!

Страх – самое иррациональное из наших чувств. Страх – это инстинкт. Он лишает нас человеческого облика и превращает в диких животных. Убийца добился того, чего хотел – ему удалось вывести меня из равновесия и поставить на грань истерики.

Я нащупала пачку сигарет, выудила сразу две, чертыхнулась, зажгла одну из них и смачно затянулась. Когда смертоносный никотин заструился в легкие, я поняла, что начинаю успокаиваться. Сигарета всегда помогает сосредоточиться, хотя и укорачивает жизнь. Но я и так едва не стала жертвой наглого маньяка!

Я просидела до рассвета на кухне, отравляя свой нежный писательский мозг табаком. Обычно в детективных романах герой после нападения неведомого противника мучительно бьется над вопросом: «Кто же убийца?», и ответ приходит к нему совершенно неожиданно и в самый неподходящий момент.

Ко мне ответ так и не явился. Я только понапрасну высмолила две с половиной пачки, выпила три кофейника, заработала головную боль и покрасневшие глаза. Кто бы ни пытался украсть мой покой и девичью честь, он более не появился.

Едва рассвело, я вызвала народных умельцев, которые сменили мне все замки. Присутствие в доме двух исторгающих пары перегара мужчин вселило в меня некое подобие уверенности. Во всяком случае, никто более не посмеет тревожить меня по ночам!

Весть о том, что на моем участке обнаружился труп двадцатитрехлетней давности, облепела Перельгино с поистине космической скоростью. Первым заглянул ко мне Гамаюн Подтягич, наш перельгинский «комсорг». Якобы затем, чтобы занять мясорубку. Получив оную, старик никак не хотел уходить, переступал с ноги на ногу, задавал ненужные вопросы, не осмеливаясь переходить к основной цели своего визита.

– А зачем ты, Фима, сменила замки? – с хитрецей в глазах спросил он.

Подтягич единственный, кто панибратски зовет меня на «ты» и «Фимой», а я его – на «вы» и по имени-отчеству. Я прекрасно помню, как в тысяча девятьсот каком-то году, когда я была наивной (хотя, постойте – наивной я не была никогда!), во всяком случае, свежей и щеняче-восторженной студенточкой, Гамаюн дал рецензию на мой первый рассказ. Мои родители были уверены, что у меня настоящий литературный талант, и я ожидала подтверждения прописной истины от знаменитого творца, первого секретаря правления Союза писателей Герцословакии.

Подтягич принял меня в огромном кабинете, заставленном книгами, в первую очередь своими собственными. Вот чего-чего не понимала в писателях, так это тягу к украшательству книжных полок родными опусами. Книжки, вышедшие из-под пера С.И. Гиппиус, я храню в подвале около мешков с картошкой.

– Ну, деточка, – просверлив меня истинно писательским взглядом, изрек Подтягич и постукал лакированным ногтем по коленкоровому переплету тетрадки с моим рассказом.

Одного этого «ну, деточка» хватило, чтобы понять – мой рассказ Гамаюну не понравился. Впрочем, я ошиблась. Не понравился – это было самое доброжелательное, легковесное и положительное из всего того, что вылил на мою голову в течение полутора часов лекции по писательскому мастерству гений соцреализма.

Как он громил меня, студентку первого курса филологического факультета Экарестского государственного университета, отделение классической филологии! Он растоптал каждое мое слово, стер в порошок каждую запятую и камня на камне не оставил ни от стиля, ни тем более от сюжета. А я-то, грешная, поначалу пыталась защищаться, но под конец разревелась, уткнувшись в спинку кожаного дивана.

Гамаюн приглубил меня за пухлую коленку (старый ловелас всегда питал тайную страсть к молоденьким девчушкам) и заметил назидательным тоном, каким умеют вещать только добившиеся всеобщего признания и крупных гонораров писатели:

– Фимочка, если твоей троюродной бабкой была Зинаида Гиппиус, это вовсе не значит, что и тебе суждена писательская стезя. Закончи университет, защити диссертацию, выйди замуж и нарожай детей – впрочем, можешь делать все это в иной последовательности. А о литературе забудь. Не твое это, Фима, ну не твое!

После этого гестаповского разноса он пригласил меня за стол, где его дородная жена угощала меня пирогом с малиной и цейлонским чаем. Я, давясь, поглощала приторно-сладкий пирог, внимала разглагольствованиям охламона Подтягича и думала о том, что утоплюсь в Клызме следующим же вечером.

С камнем на шее я в речку не бросилась, моя мудрая матушка, узнав о реакции Гамаюна на рассказ под названием «Каминные сверчки», заметила:

– Фима, никого не слушай! Уверена, что Подтягич просто завидует тебе. Ему потребовалось тридцать лет интриг, раболепствования, подхалимажа и подлостей, а также двадцать романов, чтобы стать цезарем герцословацкой литературы. Ты затмишь его своим талантом уже через десять лет! Этого-то он тебе простить и не может!

Тогда меня глубоко шокировали слова моей мамочки. Я была уверена, что никогда не сумею не только подняться на одну ступень с Гамаюном, автором той самой пенталогии «Домны революции», но и приблизиться к той божественной лестнице, которая ведет на Олимп литературных небожителей.

Точно знаю: Подтягич действительно до сих пор не может простить мне того, что я стала столь знаменитой. А я усвоила: нечего слушать советы родных, друзей и особенно «знатоков» – твори и не обращай ни на кого внимания!

Но в ушах у меня все еще стоит его надменно-ласковый голос: «А о литературе забудь. Ну не твое это, Фима, не твое!»

Поэтому, буду откровенна, я испытываю затаенное наслаждение, наблюдая в последние пятнадцать лет крах такой изумительной карьеры Гамаюна Подтягича. Сначала он перестал быть первым секретарем правления Союза писателей Герцословакии, затем не стало самой коммунистической Герцословакии, потом канули в Лету уважение, признание, благополучие и миллионные тиражи.

Неповоротливых и самодовольных бронтозавров соцреализма сменили юркие, жизнеспособные и охочие до крови (и денег) млекопитающие эры дикого, полуразвитого и переразвитого капитализма. Раньше отрывки из романов Гамаюна были во всех учебниках литературы с пятого по десятый класс, теперь их можно найти только в районной библиотеке на запыленной полке – если, конечно, их еще не сдали в макулатуру в начале девяностых, получив в обмен нескольких «Анжелик» или Чейзов.

Жена Подтягича умерла, дети занялись столь ненавистным ему бизнесом, внуки учатся за границей. Гамаюн строчит злобные пасквилы в коммунистические газеты, ходит на краснознаменные митинги и перечитывает самого себя, упиваясь своим виртуозным стилем и непревзойденной гениальностью.

Мне бывает жаль Подтягича, но, когда жалостливый голосок откуда-то чуть повыше моего желудка пищит: «Прости его и будь к старику снисходительна», я вспоминаю его ухмылку и смертный приговор себе: «Ну не твое это, Фима, не твое!»

Когда Гамаюн попытался заглянуть в мой кабинет, я ловко выпихнула старика в коридор и, вручив ему мясорубку, о которой он уже успел забыть, проигнорировала его вопрос о новых замках.

Вдруг мне подумалось – а что, если и сам Подтягич не из-за сенильного любопытства вынюхивает последние новости, а заявился, чтобы... Чтобы спланировать новый налет на мой дом! И пусть ему за восемьдесят, почти всю свою жизнь он существовал в достатке и довольстве, и смерть заграбастает старче лет эдак через двадцать.

Подтягич может иметь прямое отношение к трупу в колодце! Он живет в Перельгине уже целую вечность, он здесь старожил. И вообще, я давно задавалась вопросом, как это Гамаюн выжил в те времена, когда жертвами «чисток» стала едва ли не половина членов Союза писателей. Думается мне, старичок «стучал» на своих же коллег и конкурентов, отправляя их на верную смерть в лагеря. Подтягич начинал секретарем у известного романиста-революционера Биль-Куриного: того расстреляли, а Гамаюн не только не пострадал, но и получил индульгенцию, а вместе с ней и дачу сгинувшего шефа. Наверняка это и было первое преступление «нашего комсорга». Первое, но далеко не последнее!

– Фима, говорят, что у тебя труп нашли в подвале, – не выдержал наконец Гамаюн. Он прижал к груди мою мясорубку (потом ведь будет божиться, что отдавал, а сам оставит ее себе!), и я заметила, что для своего возраста старичок вполне крепкий.

– Не держу в подвалах трупы, – ответила я. – Я же не доктор Криппен².

Гамаюн явно не имел понятия, кто такой доктор Криппен, поэтому предпринял новую попытку:

– Не в подвале, я оговорился, а в чемодане на дне колодца...

– А откуда вы знаете, что в чемодане? – поинтересовалась я.

Гамаюн замешкался, явно выдумывая очередную ложь, а затем ответил:

– Так об этом все знают! Мне сказала наша почтальонша...

Ага, так я тебе и поверила! Почтальонша, конечно, особа болтливая, но она не могла знать, что труп был в чемодане. А вот милейшему классику соцреализма это известно. Откуда? Или он собственноручно укладывал в чемодан тело Татианы?

– А изнасиловали ее перед тем, как убить? – морщинистая физиономия Гамаюна выражала великий интерес.

Брезгливость охватила меня. Вот старый шакал, прости Иисусе!

– После, – лаконично ответила я, и Подтягич приоткрыл рот, в котором ворочался мокрый малиновый язык. Он еще слюни пустит мне на ковер! – Действовала банда некрофилов, возглавляемая бывшим следователем по особо важным делам при Генпрокуратуре Герцословакии по кличке Лимонадный Джо. Его дедушка, кстати, был тем самым Джеком Потрошителем, кромсавшим в лондонском Ист-Энде проституток.

– Да ты что? – изумленно пробормотал Гамаюн. – Ты только подумай...

– А что, почтальонша вам разве не доложила? – заметила я.

Гамаюн покачал головой. Он не понимал, что я над ним издеваюсь.

– Ах, вот что еще, Фимочка, – сказал на прощание писатель. – У меня в следующую среду юбилей... Так что жду тебя к двадцати нуль-нуль.

Я хотела отказаться от приглашения, но потом передумала. Когда Подтягич подшофе, то становится чрезвычайно болтливым. Из него можно будет вытянуть массу полезных сведений. А если он – убийца или мой ночной гость, то у меня есть возможность выяснить это.

– Восемьдесят пять мне исполняется, – с неискоренимым бабьим кокетством признался Гамаюн.

После визита любопытного Подтягича я засела за ноутбук и, к своей радости, написала две страницы. Обнаружение трупа в колодце принесло ощутимый результат – стройку временно приостановили, и гул бульдозеров и легкий матерок рабочих больше не сбивали меня с мыслей.

Но милые соседи не желали оставить меня в покое. После Подтягича мне нанес визит Браниполк Иннокентьевич Сувор. Заглянул, чтобы подарить чертову дюжину белых роз из собственного сада. Приятно, когда мужчины проявляют к тебе интерес!

Разговор шел все тот же и о том же – труп в колодце и так далее. В отличие от Гамаюна, дядя Браня, как я окрестила отца нынешнего директора КГБ, был крайне галантным пожилым военным. Он сообщил мне кое-какие интересные детали.

– Мне звонил Огнедар, – раскрыл тайну Сувор. Он имел в виду своего могущественного сына. – И знаете, Серафима Ильинична, сын сказал мне, что КГБ берет это дело под свой контроль. Более того, он лично будет курировать расследование.

² Английский дантист Гарви Криппен в 1910 году отравил жену, разрезал на кусочки и закопал в подвале собственного дома, а затем сбежал с любовницей в Канаду. Процесс по обвинению доктора в убийстве был одним из самых шумных начала XX века, а его имя стало нарицательным при обозначении коварного женоубийцы.

– Почему? – поразила я. – Понятное дело, не каждый день отыскиваются трупы двадцатипятилетней давности на дне пересохших колодцев, но ведь я не Джоан Роулинг, чтобы происшествие на моей даче занимало высшее руководство страны!

Сувор покачал головой с седым казацким чубом и медленно произнес:

– Дело не в вас, милая Серафима Ильинична, а в этом самом трупе. Огнедар сказал, что сегодня приедет ко мне и поговорит. Похоже, это становится делом государственной важности. Я ведь сам был заместителем председателя КГБ и прекрасно знаю, что из-за пустяков никто не будет волноваться и подключать к расследованию спецслужбы. Это личное распоряжение президента Бунича.

Мне стало не по себе. Надеюсь, что никто не повесит на меня обвинение в убийстве и столь нетривиальном сокрытии тела неизвестной мне девицы? Ведь у нее в сумочке была книжка с моей дарственной надписью!

– Ждите гостей, – сказал мне на прощание Сувор. – И очень скоро!

Гости пожаловали в тот момент, когда я стрекотала с Раей Блаватской по телефону. Она мнит себя моей лучшей подругой, часами жалуется на свою поджелудочную, камни в почках и запоры, я же терпеливо сношу ее излияния и рисую в телефонной книге цветочки – она уже давно превратилась в ботанический атлас.

– Фима, ты точно не имеешь к этому делу отношения? – в сто первый раз задала мне вопрос Раиса. – Мне так страшно, Фима. Вчера кто-то ходил по моему участку. Вдруг это убийца?

Я хотела заметить, что к ее персоне у убийцы не может быть ни малейшего интереса, однако подумала: а что, если Рая не фантазирует, хотя водится за ней такой грешок, и говорит правду. Некто побывал у меня прошедшей ночью. Он же мог наведаться и к Блаватской.

Я завершила разговор, сославшись на то, что в дверь стучат. Это и были гости – вежливый полковник Комитета герцословацкой безопасности в штатском и его команда. Сыщики прибыли на трех джипах. Полковник, молодежавый, донельзя вежливый и со стальным блеском в глазах (ужасно он мне напомнил нашего президента), предъявил мне несколько бумажек-постановлений и испросил формального разрешения для своих сотрудников заняться осмотром моего дома и участка.

– Вы сменили замки? – сразу отметил он, указывая на опилки под дверью. – Для этого были причины?

Тон его был бездушным, а слова искрились льдом. Я поежилась. Рассказывать ему или нет о вторжении неизвестного «друга»? Или он примет меня за полоумную особу? Вздохнув, я поведала ему о своих страхах.

К моему удивлению, он принял мой рассказ всерьез, вытащил из меня все подробности, заставил вспомнить о словах Раи Блаватской.

– Вы нам очень помогли, Серафима Ильинична, – уверил он меня. – Вам требуется охрана?

С чего это КГБ предлагает мне, пускай и известной литераторше, охрану? Они что, установят у моих ворот контрольно-пропускной пункт с полосатым шлагбаумом и вывеской, где на четырех языках будет начертано: «Внимание! Вы покидаете территорию загородной виллы писательницы Серафимы Гиппиус!»

– Спасибо, не надо, – сказала я. Полковник сверкнул глазами и скупой улыбнулся.

– Вы храбрая женщина, – заметил он. Его сотрудники тем временем разбрелись по моему дому, совершая непонятные действия: похоже, они искали следы, отпечатки пальцев или нечто подобное.

Васисуалий Лоханкин, потревоженный в своем полуденном сне, заявился на кухню, полковник, потрепав кота по холке, заметил:

– Значит, именно ему мы должны сказать спасибо? Именно он вывел нас на колодец. Скважина будет засыпана песком завтра в течение дня. Вам платить ни за что не придется, не беспокойтесь.

Василиск заурчал и потерял о ноги полковника, оставляя на них шерстинки.

– А также не придется платить нашему олигарху, который затеял строительство. И разломал мой забор. Может, вы из КГБ подсобите – нельзя ли его арестовать, так, для профилактики, на пару неделек? Ведь если покопаться, то выяснится, что наверняка он и налоги не платил, и чиновников подкупал, и результаты тендера подделывал.

– Мы этим не занимаемся, – с достоинством ответил полковник. – Обратитесь в Генеральную прокуратуру.

Через два часа представители КГБ закончили с моим домом, к вечеру они завершили осмотр колодца. Я, попивая кофе, наблюдала за молодыми людьми из окна. Они что-то искали, но что именно? И почему КГБ? Что такого в этой чемоданной мумии? Наверняка, если применять теорию вероятностей, жертвы не раскрытых и, возможно, вообще не зафиксированных преступлений покоятся на каждом трехсотом участке по всей стране. И если бы везде расследование поручалось КГБ, да еще по прямому указанию главы государства!

Я задала этот вопрос полковнику, тот дипломатично ответил:

– В наши задачи, Серафима Ильинична, входит раскрытие любого преступления. Наш девиз – наказание неотвратимо.

– Ну да, а еще чистые руки, горячее сердце и холодные уши, или как там ляпнул один из депутатов, – вклинилась я со своей репликой.

Полковник не пожелал понять юмора и сурово заметил:

– Я оставлю вам свою визитную карточку, если нежданный гость посетит вас снова, звоните мне в любое время дня и ночи. И вообще, советую установить сигнализацию.

– Или индикаторы движения, – вздохнула я. – А как же Василиск? Он привык к полной свободе перемещения, с его ночными походами полиция будет приезжать ко мне пять раз в сутки!

Полковник арктически улыбнулся. Напоследок я спросила его напрямую:

– Уже установили, кто эта Татиана Шепель? Нашли ее родных и близких?

– Советую, уважаемая Серафима Ильинична, забыть это имя, – произнес полковник. – И заметьте, я советую вам это не как представитель спецслужб, а как, скажем, ваш знакомый. Понимаю, все жаждут подробностей, но на вашем бы месте я молчал или не упоминал имени жертвы. КГБ будет держать дело под своим контролем!

Последние слова не сулили ничего хорошего. Полковник мне угрожает? И с чего это он взялся давать мне советы? Я, Серафима Гиппиус, не нуждаюсь ни в чьих советах! И уж в последнюю очередь в советах молодежавого полковника КГБ!

Джипы исчезли так же стремительно, как и появились. Я попыталась мыслить продуктивно, затем индуктивно, под конец традициивно, но от этого только загудело в висках. Часы показывали, что пора собираться на открытие галереи Стефана д'Орнэ. Меня попросили произнести небольшую речь, а я совсем забыла об этом!

Речь я придумывала, натягивая вечерний туалет из красного шелка, еще прихватила бабушкину черную шаль и украсила шею золотым монисто. Хорошо бы отказаться, но нельзя. Меня ждут!

Странное дело, но на тусовке никто не знал о том, что у меня на даче обнаружился труп. Обычно такие скандальные новости распространяются очень быстро, тем более Блаватская беседовала со мной на эту тему, а то, что знает Рая, через час знает все Перелыгино, через два – весь Экарест, через три – вся обитаемая вселенная.

И на тебе, никто не подходит с вопросом: «Серафима Ильинична, как дело с вашим трупом?» С моим трупом пока все в порядке, уже заготовила я ответную реплику, так как он еще не совсем труп. Но никто, решительно никто не хотел говорить об этом.

Сплетничали о чем угодно – о предстоящей отставке правительства, которую предсказывают уже два года подряд, об очередной подтяжке нашей герцословацкой примадонны Стеллы Бугачихи или грядущем аресте очередного губернатора-казнокрада. А вот о трупе у меня в колодце – никто не знает! И как такое может быть? У Раи, что ли, телефон сломался?

Я произнесла речь, в которой воспела талант Стефана д'Орнэ-старшего. Терпеть не могу его картины, но самая дешевенькая из них стоит не менее ста тысяч долларов. Дочка Стефана, восьмидесятилетняя Весняна, даже всплакнула и промокнула подведенные глазки желтым батистовым платочком – в цвет шелковому лимонному платью, желтым бриллиантам и парикю. Старушка держалась великолепно, я даже подумала – отчего я не дочь художника?

Стефан-младший, весь в черном, как джедай, с черной мексиканской бородкой и усами, ногтями, покрытыми черным лаком, и перстнем с черным опалом, приложился к моей руке и поблагодарил:

– Серафима Ильинична, моя матушка не ошиблась, когда выбрала вас на роль трубадура гениального творчества моего деда.

Хм, это комплимент или завуалированное оскорбление? Если ты мужчина, то трубадур. А если женщина – то трубадура?

Мне вспомнилась древняя сплетня о Стефане-младшем: в начале восьмидесятых он, тогда студент, был последней страстью Грозданы Дрежневцев, дочери генсека. А теперь, надо же, известный реставратор и художественный критик!

Сделав вид, что польщена его словами, я в числе наиболее именитых гостей подошла к красной ленте, что преграждала вход в галерею.

Весняна тонкой куриной лапкой, на запястье которой проблескивали желтые бриллианты (не иначе бизнес с картинами Стефана-старшего приносил им в год пяток кровных миллионов), торжественно перерезала ленту.

Мой подход к посещению музея или галереи – надо как можно быстрее пробежаться по всем залам, чтобы потом иметь право заявить, что увидела все шедевры, а затем отправляться в буфет.

Я так и сделала. Двух минут хватило, чтобы заглянуть в каждое из помещений и удостовериться – все стены в них увешаны творениями д'Орнэ: наследники явно предвкушают увеличение продаж. Остался последний зал, в который я и вошла первой.

В глаза мне бросилось огромное полотно, изображавшее нагую распутницу с рыжими волосами. Стефан был модным художником в начале двадцатого века, малевал по заказу меценатов и миллионеров и не стеснялся откровенной халтуры и заказного творчества. Уверена, что и эта голая красотка из того же числа.

Но что это лежит на полу? Манекен? Да нет же, девица в вечернем платье, а по паркету растекается лужа крови. Меня передернуло – д'Орнэ не постеснялись дешевого пиара, устроили балаган из и без того бездарного вернисажа.

Я подошла к девице. Нет, это не манекен, а живая кровь и плоть. Да еще ж какая! Точеная фигурка – бедняжка трудится над ней по три часа ежедневно и страшит себя малокалорийными диетами. Наверняка на почве погони за красотой и осиной талией заработала себе невроз, язву и перхоть. Вот мне-то хорошо: питаюсь в свое удовольствие экологически чистыми продуктами и не беспокоюсь о весе. Ем я или не ем, он все равно растет.

Физиономия галерейной Барби показалась мне смутно знакомой. Я не большой знаток всех этих виджеев, ведущих MTV, наших и зарубежных Бритни Спирс, Кристин Агилер и прочих шакир. Все они для меня на одно лицо, вернее, на одну талию: тощие, вертялые и

безголосые. В настоящей женщине, как учила меня бабушка, все должно быть в идеальной пропорции – ум, страсть и фигура. Как у меня.

Это же дочурка Людославочки Ковтун, моей шапочной знакомой. Она – лидер оппозиционной партии, которая критикует всех и вся, в том числе и нынешнего президента, и основная задача которой – приложить все усилия, чтобы не прийти к власти. Ибо тогда нужно будет нести ответственность перед народом и принимать конкретные, пусть и непопулярные, решения, а так можно заседать в парламенте и на постоянных ток-шоу, параллельно заниматься серьезным бизнесом, работать языком и по большому счету ничего не делать и ни за что не отвечать.

Драгуша Ковтун – моя, мда-с... скажем так, коллега, ведущая одной из «мейнстримных молодежных передач». Показывает всей стране, как куча великовозрастных балбесов куржится под постоянным прицелом кинокамер, ковыряет в носу, совокупляется и ведет идиотские беседы «за жизнь».

И как это Стефан-младший и его мамочка уговорили Драгу, девочку капризную и привыкшую к «сладкой жизни» в объятиях «крутых мэнов», разлечься на полу галереи, да еще в луже искусственной крови?

Я заметила, что лицо Драгушеньки Ковтун является копией лика голопопой ведьмочки на картине. Изящная бронзовая табличка изящно и бронзово гласила: «Картина из цикла «Семь великих добродетелей». «Мессалина» написана Стефаном д'Орнэ в 1912 году».

Но какое сходство! Что-то звякнуло под моими каблуками. Нож, которым якобы прирезали Драгостею. Ах, какая натуральная игра: «наша Пэрис Хилтон», как именуют злые языки Драгушку Ковтун, не дышит и глазки распахнула так правдоподобно, и губки не шевелятся... Гример, который делал из Драги «хладный труп», явно профессионал. А этот ужасный шрам на шее. Бррр!

Нож, который я задела ногой, отлетел к стене. Внезапно мне стало дурно. Это же мой нож! Еще бы мне не знать его! Из того самого набора, который украли у меня прошлой ночью. Серебряный, с витой ручкой в виде рыбины с раскрытым ртом и глазами-жемчужинками. Такого второго не сыщешь во всем Экаресте!

Но у меня он был столовый, тупой, а сейчас его лезвие так и блестит под неслышно гудящими неоновыми лампами. Некто заточил его и превратил в орудие убийства.

Я подняла нож. На моих пальцах остались следы густеющей крови. Драга Ковтун не дышала. Это вовсе не живая плоть, как мне показалось вначале. Игра перестала быть таковой – это никакой не розыгрыш, а место жуткого преступления!

В зал вошли спикер Госдумы и экс-министр культуры в сопровождении сановных супругов. Одна из дамочек воздела руки к вздыбленной прическе а-ля маркиза Помпадур и дурашливо завопила, указывая орубиненным пальцем на тело Драгуши.

Вторая супруга присоединилась к ней, а затем хлопнулась в обморок, причем муж не успел подхватить ее, и она осела на пол. Спикер склонился над ней, что-то бормоча. Жена экс-министра продолжала вопить как противопожарная сирена. В зал влетели охранники, а также несколько гостей, которые присоединились к всеобщим завываниям.

– Серафима Ильинична, вы что, не могли найти более подходящего времени и места для совершения убийства? – недовольно спросил меня экс-министр культуры. – Вы нам весь вечер испортили!

Мы с экс-министром давно недолюбливали друг друга. Как-то на программе, которую он ведет по ТВ, я прервала его цветистый монолог о культуре и цивилизации, в котором хорошо кружились цитаты из Данте, Ницше, Хантингтона, Ханны Арендт и прочих философов-писателей, и заявила, что цивилизация – это когда у тебя дома стоит ванна, а культура – если ты ею регулярно пользуешься.

Нож вылетел у меня из рук и со звоном упал на пол. Похоже, я снова влипла в неприятности!

Мои опасения подтвердились. Это был мой второй труп за последние двадцать четыре часа. Мне не пришлось оправдываться в том, что не я прирезала Драгу Ковтун. Полиция обнаружила в мужском туалете следы крови, нашелся свидетель, который видел странного молодого человека в заляпанном кровью смокинге, некоторое время назад спешно покинувшего галерею. Наконец, врач установил, что Драгуша мертва никак не менее получаса.

Мне все равно пришлось давать показания. Я умолчала о том, что нож, которым была убита Драгушка, принадлежит мне и был похищен всего лишь несколько часов назад. Людославочка Ковтун была в краткосрочном отпуске на Мальдивах, до нее пытались дозвониться и сообщить трагическую весть.

В Перельгино я попала к половине второго ночи. Я тщательнейшим образом проверила все двери, на всякий случай захватила с собой в постель, помимо нового романа Татианы Поляк, топор, который – за неимением мужчины – занял пустующее место в двуспальной кровати.

Васисуалий Лоханкин был в загуле. Мне все казалось, что по лестнице кто-то поднимается, желая отобрать мою драгоценную жизнь, и каждый раз, прокрадываясь на цыпочках с топором в руках к двери, я убеждалась в том, что мне это почудилось.

За ночь я просыпалась не меньше пятнадцати раз. Утром мне все казалось горьким: кофе, сигареты и моя жизнь. Работа на стройке олигарха-соседа возобновилась, а в тот момент, когда я, затолкав в уши кусочки ваты, мучительно выскребывала из себя полстраницы текста и наконец расставила все эпитеты по местам в предложении длиной в семнадцать строчек, кто-то забарабанил в дверь.

Приехал грузовик с песком – засыпать колодец. Четверо рабочих сноровисто и ладно опорожнили содержимое многотонника в колодезное жерло, утрамбовали его – и место преступления исчезло.

– Можете разбить здесь клумбу, – сказал один из рабочих. – Вполне вероятно, что через год придется немного досыпать, песок осядет. Тогда мы снова к вашим услугам!

Все-то дело в том, что не к моим. Не я приняла решение засыпать злосчастный колодец, не я оплатила песок и рабочих. А кто? Добрые дяди из КГБ? Или в госбюджете есть отдельная статья расходов – «ликвидация «колодца смерти» на дачном участке великой писательницы С.И. Гиппиус»? Повторю вслед за Станиславским – «Не верю!». Кто-то очень хочет, чтобы о трупе в чемодане побыстрее забыли, кто-то прикладывает все усилия, чтобы даже место захоронения исчезло с лица земли. Кто?

И кто эта Татиана Шепель, имя которой мне приказано забыть? Одни вопросы и ни единого ответа.

Следующие дни прошли в сумбурной суете, я даже забыла, что совсем недавно дрожала в обнимку с топором в спальне и нашла два трупа. Второго сентября я представляла свой новый роман «Озеро Титикака» на Экарестской книжной ярмарке.

Мне было не до трупов, хотя, если честно, иногда хотелось, чтобы некоторые из моих друзей, редакторов и организаторов выставки превратились в таковые. Все шло наперекосяк: Рая Блаватская надумала кончаться от почечных колик и звонила мне по семь раз в час, чтобы довести до моего сведения свою последнюю волю («хоронить только в белом»), консультировалась о том, какой обряд погребения выбрать («хочу, чтобы меня отпевали буддистские монахи»), и спрашивала, что ждет ее на том свете («ты ведь знаток классической литературы, в какой круг ада меня определят?»).

Помимо Раи, меня сводило с ума возведение «Букингемского дворца» на участке соседа-олигарха; гадкие красные высыпания, вылезшие невесть откуда на моей груди (я грешила на Васисуалия Лоханкина, который, нагулявшись по всем остро пахнущим перельгинским помойкам, лезет ко мне в кровать); настырная врачиха, заявившая, что эти высыпания – не лишай и не аллергия, а обусловлены стрессами и нервотрепками; так некстати словавшаяся стиральная машинка, зажевавшая мое платье, в котором я хотела блистать на книжной ярмарке; звонок от режиссера, снимавшего фильм по моему роману, получившему Тукера, с вестью о том, что денег нет и работу пришлось заморозить; мой братец Илья, желавший занять «пару копеек» (и, как водится, не отдать) «до гонорара», и т.д. и т.п.

В итоге все вышло не так уж плохо – натянув другое платье, я отправилась на книжную ярмарку. Как обычно, народу было – не протолкнуться, я замучилась подписывать свой новый роман. Ко всему прочему, выяснилось, отчего царит такая толчея – ожидался кратковременный визит супруги президента Бунича и ее заокеанской подруги Лоретты Гуш. Жена главы США прилетела в столицу для участия в открытии всемирного конгресса по борьбе с детской преступностью, патронессами которого и являлись Надежда Бунич и американка Лоретта.

– Серафима Ильинична, – сообщил мне представитель издательства с сияющей улыбкой, – нам только что позвонили из администрации президента, Надежда Сергиевна Бунич и госпожа Гуш желают непременно встретиться с вами!

Обе президентши изъявили желание во время посещения книжной ярмарки почтить меня своим визитом. Лестно, нечего сказать, но это значит, что удрать домой пораньше не получится.

Встреча с поклонниками моего творчества, по официальной версии, проходила с семнадцати до восемнадцати часов. Жены двух самых могущественных властителей в мире обещались показаться где-то около шести. Их не было ни полседьмого, ни в семь.

Заметив, что я нервничаю, редактор сказал:

– Серафима Ильинична, умоляю вас! Они вот-вот подъедут! Госпожа Гуш пожелала осмотреть мавзолей Готвальда Хомучека...

Ага, американская дамочка осматривает достопримечательности Экареста, а я могу и подождать! Мне вспомнилось, что ни сам президент Бунич, ни его супруга не уделяют большого внимания пунктуальности.

Зато посетители ярмарки были в восторге, что встреча со всенародно почитаемой Серафимой Гиппиус по неизвестной причине затягивается и затягивается. Я подписывала одну «Титикаку» за другой, а в душе разгорался бледный огонь. Вот оно, подлинное лицо власти! Президентши ведь в курсе, что я жду их, но опаздывают на полтора часа, и хоть бы хны! Не будь я такой конформисткой, поднялась бы сейчас и поехала в Перельгино!

А что, может, так и сделать? Я заявила издателю:

– Кажется, мы напрасно ждем. Гости не пожалуют. И вообще, мне хочется пи-пи и ка-ка.

– Серафима Ильинична, – буквально взмолился тот. – Они уже на ярмарке, в павильоне с детской литературой. Потом осмотрят школьные учебники и затем...

– Затем меня вынесут отсюда ногами вперед, – заметила я, – и напрямик до мавзоля Хомучека! Мне до ужаса хочется курить. И кофея хлебнуть! Так что если президентши появятся в мое отсутствие, велите им немного подождать!

На самом деле, конечно, никуда я не ушла. Потому что едва я решила выскользнуть из зала, чтобы насладиться сигаретой, как народ, толпившийся вокруг меня, вдруг расступился. Показались молодые люди в черных костюмах, солнцезащитных очках и с проводками за ушами.

– Они здесь! – благоговейно произнес издатель. – Где фотограф? Сегодня же разместим на сайте ваше фото с двумя президентшами. Операторы с телевидения, пропустите их поближе! Быстрее, быстрее!

Я нацепила самую сладкую из своих улыбок. Я не имею ничего против президента Бунича и его жены, но заигрывать с властью – не в моих правилах. Доверяю эту тонкую материю престарелым лирикам и оscarоносным режиссерам. Хотя, признаюсь, наше семейство тоже не без грешка...

Моя мамочка, знаменитая летчица и полярный исследователь, Нинель Рубеновна Гиппиус, урожденная Гуаданини, была на короткой ноге с товарищем Сталиным. Наша семья жила тогда в Союзе. Вроде бы именно это и спасло ее от очернительных доносов и сексуального интереса шефа НКВД Берия к собственной персоне. Моя матушка не уставала повторять, что на самом деле она – незаконнорожденная дочь одного из грузинских князей. Иосиф Виссарионович и сам страдал от подобных наветов – глухо шептались, что его отцом был не сапожник Виссарион Джугашвили, а некий представитель кавказской аристократии, в доме которого его мать работала прачкой.

Мой папочка, Илья Древославович, переводчик с санскрита и литературный критик, был вынужден терпеть платоническую любовь между тираном и своей женой. Маму частенько забирал черный «ЗИЛ», который доставлял ее на дачу Сталина или в его кремлевские апартаменты. Она пила с тираном чай и сплетничала, а о ней самой сплетничали, что она является любовницей тирана и вождя, и именно поэтому наша семья пережила страшные годы без забот.

Когда диктатор скончался, моя матушка, лучше других осведомленная о его кровавых преступлениях, искренне рыдала, по ее капризу мы немедленно переехали из Москвы на родину папочки в Экарест (в Герцогстве Саксония-Веймар-Эйзенах правил Готвальд Хомучек, вурдалак, ни в чем не уступавший в своей кровожадности Сталину, – и это грело душу моей родительницы), а портрет Иосифа Виссарионовича украшал ее спальню до середины восьмидесятых. Я иногда думала, что сплетни о ее любовной связи со Сталиным не такие уж и сплетни, а я-то появилась на свет, когда «вождь всех времен и народов» был еще жив, поэтому кто знает, чья я на самом деле дочка... Но у дорогой мамочки я так и не рискнула спросить об этом – мой дорогой папочка, впрочем, тоже!

Я следовала наставлениям отца – никогда не сливалась в восторженном порыве с властью, но и никогда не шла на нее войной. Ни то ни другое не имеет смысла и принесет тебе проблемы, говорил он не раз.

Две изящные дамочки неспешно следовали к моему стенду. Лоретта Гуш была в строгом костюме нежно-персикового цвета. Надежда Бунич выделялась строгим ярко-желтым костюмом с синими вставками и перекинутым через плечо шотландским клетчатый платком. Наша президентша отличалась экстравагантным вкусом.

– Добрый день, – произнесла на неплохом герцогсловацком Лоретта Гуш.

Надежда Бунич добавила:

– Здравствуйте, Серафима Ильинична!

Американка была невысокой, чуть полноватой особой с темно-каштановыми волосами и умным, запоминающимся лицом. Я еще никогда не видела так близко ни ее, ни Надежду Бунич. Наша президентша была дамой высокой, с представительной фигурой, выпуклости которой удачно подчеркивало яркое одеяние, ее светлые волосы были подстрижены в форме каре.

Лоретта Гуш протянула мне руку, Надежда Бунич последовала ее примеру. Я на секунду посмотрела в ее лучистые зеленовато-голубые глаза. Небольшой вздернутый носик, капризные губки, ухоженная кожа.

К нам подоспел переводчик, но я отпустила его небрежным жестом – мне ли, преподавательнице американского университета, общаться по-английски через толмача. Надежда Бунич, как выяснилось, говорила по-английски еще не очень хорошо, поэтому они щебетали с Лореттой Гуш по-французски.

Не сдержавшись, я демонстративно посмотрела на наручные часики, и этот жест не ускользнул от Надежды Бунич. Она едва заметно нахмурила лобик и закусила губу, в глазах мелькнуло раздражение. Ей не понравилось, что я так открыто намекаю на их полуторачасовое опоздание.

– Госпожа Гиппиус, я очень люблю ваши книги, – вещала супруга американского президента. – Герцословацкая литература – уникальное явление! Мой любимый автор – Тостоевич. Его «Сестры Кандрамаз» – это вершина философского творчества!

Американка когда-то работала библиотекарем.

– Жаль только, что мой Джордж не может осилить больше двух страниц из Тостоевича, сразу начинает клевать носом, – с улыбкой добавила она. – Любимые книги Джорджа – это серия о Гарри Поттере. Чтение его быстро утомляет, поэтому он слушает компакт-диски с текстом.

Эта реплика рассмешила Надежду, и она стала рассказывать о литературных пристрастиях своего супруга, который как-то заснул в самолете, так и не дочитав первую страницу «Алхимика» Коэльо.

– Полностью с ним согласна, – поддержала я Надежду Сергиевну. – Как и ваш муж, я не понимаю шумихи вокруг Коэльо и его произведений!

Разговор плавно перемещался с темы на тему. Я надписала две «Титикаки» – по-английски для Лоретты Гуш и по-герцословацки для Надежды Бунич.

– Кстати, госпожа Гуш, вы видели на ярмарке мемуары вашей предшественницы Хилари Блinton, – поинтересовалась я, протягивая свою книгу с автографом американке. – Трогательная история, не так ли? И как это она снесла измену мужа Клина?

Меня так и подмывало спросить, изменяет ли самой Лоретте ее пресный и фанатичный супруг, но наша президентша не дала мне смутить американку интимным вопросом.

Надежда Бунич немедленно сменила тему, засыпав меня комплиментами по поводу моего великолепного стиля и сочного герцословацкого языка.

– Вы работаете в американском колледже? – вежливо осведомилась американка.

Я пояснила ей, что преподаю герцословацкую литературу и литературное творчество в Корнелле.

– О, герцословаков в американских вузах сейчас предостаточно, – заявила я. – И в Корнелле в конце сороковых – начале пятидесятых преподавал один литератор из герцословацкой эмиграции, запомнила его имя, некто малоизвестный и незначительный, глупую книжку о девочке написал, о нем и говорить нечего...

Лоретта Гуш вежливо улыбнулась. Надежда Бунич посмотрела на часы, и я поняла, что это – ее ответ на мой беспардонный жест. Президентши собирались покинуть ярмарку.

– Госпожа Гиппиус, вы должны приехать с литературными чтениями в США, – пригласила меня Лоретта Гуш. – Мой секретарь свяжется с вами, я считаю, что американцам нужно как можно больше знать о современной герцословацкой литературе. А вы ее самый яркий представитель!

– О, спасибо, спасибо, – произнесла я, – кстати, госпожа Гуш, я в восхищении от вашего супруга-президента! Я плохо разбираюсь в политике, но, по моему скромному мнению, Джордж Гуш – самый выдающийся американский президент... со времен своего предшественника Клина Блintonа!

– Лора, нам пора в Великий театр, «Дон Кихот» начнется через десять минут, – заметила нервно Надежда Бунич. Я внутренне усмехнулась – с балетом тоже придется подождать: его не начнут, пока в ложе не окажутся две почетные гости.

Последовала процедура прощания. Энергичные рукопожатия и улыбки. Я снова встретила взглядом с Надеждой Бунич. Затем мое внимание привлекла деталь ее туалета, на которую из-за пестроты ее наряда я до сих пор не обратила должного внимания.

Шейку президентши обвивала тонкая золотая цепочка, спускавшаяся на грудь. А на цепочке покачивался кулон – полумесяц из белых бриллиантов, между рожек которого покоилось круглое рубиновое солнце.

Меня прошиб холодный пот. Я никогда не жаловалась на галлюцинации или видения. Точно такую драгоценность я видела совсем недавно – в ухе бедняжки, которую нашла на дне колодца! Только там это была сережка, а у Надежды Бунич – кулон!

– Надежда Сергиевна, – внезапно осипшим голосом произнесла я, и президентша, уже устремившаяся прочь, обернулась. – Разрешите спросить: откуда у вас столь прелестная безделушка?

Бунич лукаво улыбнулась, превращаясь из надменной дамы в милую женщину.

– Ах, это? – ее тонкие пальцы дотронулись до кулона. – Не правда ли, оригинальный? Мне, как типичному Козерогу, нравится все, что не подпадает под общие стандарты. Английская работа, вторая треть девятнадцатого века. Это подарок Гремислава к нашей свадьбе.

Подарок Гремислава! Вот так запросто она именует мужа – Гремислава Гремиславовича Бунича, нашего энергичного и деятельного президента.

– Это парное украшение? – рискнула спросить я.

Бунич на секунду нахмурилась, затем с некоторым удивлением заметила:

– Да нет же, это на самом деле сережка, но ювелир переделал ее в кулон – вторая бесследно исчезла. Я люблю драгоценности.

– Я тоже, – пробормотала я. Надежда Бунич, одарив меня улыбкой, двинулась прочь. Ее и Лоретту Гуш ждал «Дон Кихот» в Великом, а затем наверняка торжественный ужин.

– Все прошло как нельзя лучше! – докладывал кому-то по мобильному мой издатель. – Да, пробыли почти двадцать минут, завязалась чрезвычайно оживленная беседа, Серафима Ильинична держалась, как всегда, на десятку. Говорили по-английски и по-французски. Фотографии сделали... Да, да, были с Главного канала, ГерцТВ и с ЖТВ, сюжет о ярмарке и визите пойдет в новостях. Наш стенд с логотипом издательства покажут крупным планом, по пять секунд на каждом из каналов...

Наконец-то я была свободна. Первым делом я отправилась в павильон, где можно было выпить растворимого кофе и неспешно покурить. Меня никто не тревожил, и, пуская в потолок кольца дыма, я размышляла.

Я нашла в своем колодце мумифицированный труп. Это факт. В ухе трупа была сережка с редкими камнями и, скорее всего, уникального дизайна. Это тоже факт. Сегодня я видела кулон, как две капли воды похожий на сережку, на шее Надежды Сергиевны Бунич, супруги герцословацкого президента. Это не факт, а фактище. Она сама заявила, что это «подарок Гремислава к свадьбе».

Что это означает? Если бы я только знала! И каким образом вписываются во всю эту историю вторжение ко мне ночного гостя, похищенные ножи, убитая перед столь похожим на нее портретом, созданным в 1912 году, Драгостея Ковтун, которой сейчас не было и двадцати пяти, причем убитая моим ножом?

Пачка с сигаретами быстро закончилась, а к разгадке я так и не приблизилась. Издатель вежливо намекнул, что таксомотор меня ждет. Я отправилась в Перельгино.

Два последующих дня я посвятила съемкам новых выпусков «Ярмарки тщеславия». В наш «поселок кентавров» вернулись благодать и спокойствие. Как будто не было никакого трупа в колодце, как будто никто не вторгался в мой дом!

Гроза грянула вместе со звонком Раи Блаватской. Захлебываясь и причитая, она сообщила:

– Фима, ты ведь в курсе по поводу убийства Драгуши Ковтун?

– Я ее и нашла, – сказала я осторожно. – А в чем дело?

Раиса торжествующе провозгласила:

– В чем дело? Похоже, ее укукошил маньяк! Сегодня утром была обнаружена еще одна жертва! И тоже около портрета, написанного Стефаном д’Орнэ!

Блаватская поведала мне во всех подробностях следующее: известный столичный адвокат Лев Симонян, которому, кстати, я и поручила представлять мои интересы в тяжбе с олигархом, уничтожившим мой забор, был найден приходящей прислугой в своем кабинете.

– Мертвым! Ты только подумай, Фима, мертвым!

– Я лишилась адвоката, – философски заметила я. – Придется искать нового.

Лев сидел в кресле, опустив голову на грудь, и прислуга подумала, что он заснул. На самом же деле Симонян был мертв – некто отправил его на тот свет при помощи моего ножа!

– Мне все доподлинно известно, Фима, у меня же племянник работает в министерстве, – вещала Блаватская. – Он сказал, что орудие убийства очень необычное – старинный нож с рукояткой в виде рыбыны. Меня все мучает вопрос – где я такой видела?

– Уж и не знаю, – быстро вставила я.

Мне не хотелось, чтобы Рая вспомнила мой пятидесятилетний юбилей четыре года назад и то, что стол украшали именно такие ножи и вилки.

– Ничего, я вспомню, у меня такое бывает: требуется немного подождать, и я вспомню, – уверила меня Блаватская.

На стене кабинета Симоняна красовалась картина, исполненная Стефаном д’Орнэ в начале века. Она изображала французского министра иностранных дел Талейрана. Самое удивительное, что его лик очень напоминал постную физиономию Льва.

– Только у Симоняна усы, а этот дядька на картине – бритый, – доложила Рая. – Фима, следствие уверено, что действует особо опасный маньяк!

– Хе, а есть маньяки не особо опасные? – поинтересовалась я. Мне надоело внимать свежайшим столичным сплетням, и я спросила: – Рая, а почему ты никому не рассказала о трупке на моем участке?

Бахчисарайский фонтан красноречия Раи Блаватской внезапно иссяк, она промемекала:

– Как же, Фима, я рассказала... Всем рассказала, клянусь тебе. И Светточке звонила, и Елице, и Слубеду Селимировичу...

– Как бы не так! – отрезала я. – Рая, не надо водить меня за нос! Если бы ты позвонила сплетницам Светточке или Елице и тем более старой водяной крысе Слубеду Селимировичу, то они бы непременно приперлись ко мне с визитом вежливости, чтобы собственными глазами лицезреть колодец, где обнаружился труп, и вытянуть из меня все, что возможно, а что невозможно – присочинить!

Рая, – пригрозила я, – будешь после застолья у Гамаюна Подтягича кончатся, объевшись жирным и острым, помогать тебе не стану!

Жестоко, но действенно. Блаватская прошептала в трубку:

– Фима, мне велели... Мне велели никому не говорить. Сказали, что не следует никому звонить и распускать слухи.

О, посмотрела бы я на того, кто сумел укоротить язык Раи Блаватской! Этот человек явно наделен сверхъестественными способностями и заслуживает памятника из червонного золота на Лобном месте!

– И кто ж тебе такое велел, Рая? Кто на перепутье тебе явился? Архангел Гавриил?

– Полковник КГБ, такой молодой и с безжалостными глазами, – призналась Блаватская.

Я моментально поняла, кого имеет в виду поэтесса постинтеллектуального офигизма. Этот самый полковник навещал меня с командой экспертов, он же велел мне забыть имя и фамилию, которые стояли в паспорте несчастной из чемодана, – Татиана Шепель.

– Он пил со мной чай, – шептала Блаватская, – был такой вежливый и предупредительный, а меня после его ухода два часа трясло, пришлось даже ванну горячую принять! Сказал, что это не в моих интересах рассказывать о том, что я знаю. И...

Рая Блаватская захлопала носом. Она любит это дело, в особенности когда вспоминает свои неудачные замужества и запрет, некогда наложенный Гамаюном Подтягичем на поездку в Париж, – Раю звали туда восторженные французы, обещали ей шикарный прием и большой гонорар, но наш председатель, наверняка из зависти, сказал, что нечего герцословацкой поэтессе делать в капиталистическом логове. Так Рая в Париж и не попала.

– Полковник сказал, что если я буду болтать, то они могут вспомнить о том, что дача мне досталась... по дешевке. И потребовать уплаты ее реальной рыночной стоимости в карман государству! А ты представляешь, Фима, сколько сейчас коттедж в Перельгине стоит?

Я представляла, потому что мне уже несколько раз предлагали продать свой дом с участком. Сумму называли очень даже солидную, но мне, слава богу, не приходится дрожать над каждой копеечкой.

– Откуда я возьму такие деньжищи, чтобы заплатить реальную стоимость, – ныла Рая. – Меня печатали огромными тиражами в прежней Герцословакии, теперь все в прошлом. Никому я не нужна со своим интеллектуальным постмодернизмом! А скажи мне, кто дачу-то по реальной стоимости приватизировал? И ты небось за гроши получила! А почему я должна платить эти несусветные тысячи долларов? Откуда они у меня, бедной вдовы!

– Говорила я тебе, пиши под псевдонимом криминально-авантюрные детективчики или любовные романчики, – промолвила я. – Ума для этого особого не требуется!

Рая залилась слезами. Вообще-то она в обстановке полной анонимности подрабатывала в последнее время тем, что сочиняла тексты песенок для поп-звездочек. Не ей жаловаться на безденежье!

Значит, Блаватской велели молчать, полковник из КГБ припер ее к стенке. Потому-то Рая никому ничего не рассказала. Наверняка подобный трюк применили и к старому козлу Гамаюну Подтягичу, а с Браниполком Иннокентьевичем Сувором воспитательную беседу провел его сынок, директор КГБ и личный друг президента.

Что же происходит? Какая ведется игра? И кто ее ведет? Все началось с обнаружения трупа неизвестной Татианы. Отчего такая таинственность? Почему колодец в великой спешке засыпали песком.

На юбилей к Подтягичу я пришла с опозданием. При виде уже вовсю пировавших гостей – Раи Блаватской, генерала Сувова, Ирика Тхарцишвили и еще пары перельгинских мамонтов, вспомнился мой любимый Гораций: *nunc est bibendum!*³

Праздничный ужин приготовила племянница великого писателя – дети, рассорившиеся с папаней, избегали навещать его в Перельгине.

Я поцеловала именинника в морщинистую щеку – Гамаюн был в стареньком костюме и красной безрукавке. От былого щеголя не осталось и следа. Старче зачесал свои жидкие седые волосенки и надел парадный протез.

– Гамаюн Мудрославович, всего самого наилучшего ко дню рождения, – с фальшивой сладостью пропела я, вручая Подтягичу завернутый в цветную бумагу подарок.

Мне не пришлось долго мучиться, выбирая, что же ему презентовать.

– Ах, милая моя, как я рад видеть тебя. Спасибо, Фима, уважила старика, – Подтягич развернул обертку. – Ну, конечно же, книга!

³ Теперь – пируем! (*лат.*)

Его восторг несколько поутих, когда он увидел имя автора – Серафима Гиппиус. Издательство вручило мне десять бесплатных авторских экземпляров «Титикаки», так что трагиться на подарок Подтягичу не пришлось.

Гамаюн, ощерившись, небрежно швырнул мой роман на стул под вешалкой.

– Почитаю, Фимочка, обязательно почитаю, – сказал он, увлекая меня в столовую.

Врет ведь и не откроет! Права была матушка – Гамаюн все эти тридцать пять лет не может мне простить успеха и известности.

Как опоздавшей мне было положено выпить штрафную. Терпеть не могу водку, но под одобрительные крики Ирика Тхарцишвили пришлось осушить стопку до дна.

Рая Блаватская была слегка навеселе, наворачивала жареную каракатицу, салат «оливье» и голубцы в виноградных листьях.

– А как же твой панкреатит, холецистит и целлюлит, Рая? – осведомилась я.

Блаватская махнула рукой и ответила:

– Мой психоаналитик сказал, что я не должна заикливаться на болезнях. Раз в году могу позволить себе попить!

Если бы раз в году, подумала я. При помощи этой отговорки Рая предаётся обжорству как минимум три раза в неделю. А потом звонит мне и просит быть ее душеприказчицей.

Я наложила себе немного квашеной капусты и соленых грибов.

– Грибы я сам собирал! – заявил юбиляр. – У меня глаз – алмаз!

Ага, прям «Куллинан», «Санси» или «Сердце Океана»!

Я незаметно выплюнула на тарелку почти разжеванный гриб. Старче уже наполовину в маразме, мог и поганок в лукошко положить – причем намеренно, для «дорогих гостей». Поэтому я переключилась на маринованные огурцы, селедку под шубой и расстегаи с белугой.

Пили за здоровье именинника (причем, я уверена, никто за столом не желал ему этого самого здоровья), за его литературную славу (которой никогда и не было), желали долгих лет жизни (думая про себя, что старик сегодня выглядит плоховато – уж не рачок ли у него?).

Я оказалась между двумя джентльменами – справа восседал тамада Ирик Тхарцишвили, слева – генерал Сувор. Ирик подливал мне спиртного, дядя Браня подкладывал салатов и закусок.

Когда подали горячее – наваристый суп-лапшу, а затем утку в яблоках и осетрину, все гости, за исключением меня одной, начали демонстрировать знание песенного фольклора. Гамаюн Подтягич обладал на редкость пронзительным дискантом, Ирик басовито затянул «Сулико», Рая Блаватская, любительница русского фольклора, грянула «Ой, мороз, мороз».

Сентябрьский вечер перешел в беззвездную ночь. К десерту – пирогу с брусникой и творожным ватрушкам – все были пьяны. Завели граммофон, поставили пластинку Эдит Пиаф. Подтягич пригласил меня на танец.

Старче прижимал меня к своему хлипкому тельцу и что-то бормотал. Я осторожно спросила:

– Гамаюн Мудрославович, а вы ничего не знаете нового о трупке у меня в колодце?

Подтягич закашлялся:

– Фимочка, забудь ты об этом трупке! А то из КГБ мне звонили, говорили, что если я люблю родину и верен заветам партии, то не буду трепаться на каждом углу об этой страшной находке...

Так, так, значит, и «нашего комсорга» тоже обработали.

– Но вообще это очень странно, – продолжал болтливый старик. Его рука с моей талии скользнула чуть ниже, мне пришлось терпеть приставания слюнтяя ради информации.

– Что странно, Гамаюн Мудрославович? – спросила я и взглянула на остальных гостей.

Дядя Браня вальсировал с Раей, та, раскрасневшись, хохотала над его шуточками. Ирик обхаживал племянницу Подтягича, остальные гости поглощали яства.

– Да то странно, зазноба моя, что все так суетятся, – сказал Подтягич. – И чего суетятся? Не найти им убийцу, как пить дать не найти!

– И почему же не найти, Гамаюн Мудрославович? – Потная рука старче ползла все ниже и ниже.

Подтягич захекал:

– Потому что этот парень очень умный! Уважаю таких! Убил бабу – и сбросил в чужой колодец! Решил, если обнаружат, то все подумают, что это ты ее пришибла, Фимочка! Не найдут его, не найдут!

Я оттолкнула от себя Подтягича. О чем это лепечет старец? Почему он так уверен в том, что убийцу не найдут? Обычно так заявляют сами убийцы – все преступники убеждены в своем исключительном уме и тупости следователей.

Возобновилось застолье, последовали новые тосты, мне пришлось славословить Подтягича, припоминая названия его нетленных шедевров. В бокал я налила лимонада, чтобы не напиться, а так никто и не догадается, что же я пью.

Под конец моей сумбурной речи Гамаюн аж прослезился и сказал:

– Ах, Фима, какие времена раньше были! Талант уважали... Оберегали... Растили!!! А теперь любой идиот, что мнит себя писателем, кропает дребедень с горой трупов, хомячками-кошечками-собачками, «голубыми» на каждой странице – и его печатают! Секс воспевают, олигархов-ворюг и буржуйские привычки! Деньги, деньги, всюду деньжищи! И, куда ни плюнь, эти писатели и писательницы: включи телевизор, так они в каждой программе сидят и что-то комментируют, открой газету, там о них заметки: жарятся на Гавайях, виллы покупают, их постоянно премируют – презентуют им, тьфу, чегой-то! Никакой нравственности и идеалов! Моральное разложение общества! Эх, куда цензура делась! В мое время все было понятно и регламентированно! Правильно делали раньше умные люди, что такую муть околелитературную жгли! Так бы всех и запретил!

Не сомневаюсь, подумалось мне. Всех бы запретил, кроме самого себя, милый мой поросенок Гамаюн. Ты и так, Подтягич, почти двадцать лет руководил писательской мыслью в Союзе, столько людей погубил, столько гениальных авторов угробил. И сам сидел на каждой программе, в каждой газете – твоя статья. И виллы у тебя были, и за границей прохлаждался. А теперь привыкни к тому, что время твое прошло. Дай пожить и другим!

– Плач Ярославны, – буркнула я, правда, не слишком громко. День рождения все-таки.

Снова пошли танцы. На этот раз моим кавалером стал дядя Браня. Вальсировать с подтянутым генералом было одно удовольствие. И рукам он, в отличие от Подтягича, волю не давал.

– Гости у меня побывали, – сказала я дяде Бране. Он понял, что я имею в виду, и заговорщически мне подмигнул: – А что я говорил, Серафима Ильинична? Знаю, знаю, что колодец у вас засыпали. Мне Огнедар поведал...

Он замолчал, выдерживая паузу. Мне стало до крайности любопытно, что же еще сказал ему Огнедар.

– Подтягич прав, времена сейчас другие, – промолвил Сувор. – Я не понимаю, к чему вся эта таинственность. Даже мне, родному отцу, Огнедар запретил говорить о трупе в вашем колодце.

– А почему? – По тону я поняла, что Сувору многое известно. Генералы КГБ, даже в отставке, всегда кладезь секретной информации.

Дядя Браня рассмеялся:

– Хитрая вы женщина, Серафима Ильинична. Я же все выпуски вашей «Ярмарки тщеславия» смотрю, даже на видео записываю. Понимаю, вас гложет любопытство. Меня бы тоже раздирало – кого убили, кто убил и почему теперь такой туман напускается.

Подумав, он изрек:

– Огнедар мне кое-что рассказал, а еще больше я узнал по своим каналам – у меня ведь есть своя агентурная сеть: кое-кто из моих младших товарищей еще работает в органах, или их дети, или даже внуки.

– Не тяните, Браниполк Иннокентьевич, – попросила я. Генерал великолепно вальсировал.

Старик усмехнулся:

– Жертву зовут Татiana Сергиевна Шепель...

– Мне это известно, – перебила я его. – Я же ее нашла и в паспорт заглядывала...

– И при ней была ваша книжечка с дарственной надписью, – добавил дядя Браня. – Меня как следователя этот факт чрезвычайно бы заинтересовал. Ну да ладно... Так вот, эта Татiana Сергиевна была студенткой Театрального училища имени Щукина. И имелась у нее младшая сестра...

Он замолчал.

– У меня тоже есть сестра, только старшая, – заявила я. – И что из этого? Это каким-то образом делает эту Татиану Шепель исключительной личностью?

– Раньше не делало, а сейчас сделало, – ответил генерал.

Пластинка закончилась, и нас позвали к столу. Гости разомлели, начались воспоминания о славном прошлом (Подтягич), пошловатые анекдоты (Ирик) и детальные отчеты о хворях (Рая Блаватская). Мы с Браниполком Иннокентьевичем переместились в укромный уголок и продолжили шептаться.

– Смотри у меня, Браня, не уведи Фиму под венец! – проскрипел Гамаюн. Старик был ужасно пьян. – Горько!

Я не обращала внимания на его глупые замечания. Дядя Браня произнес:

– Эту самую младшую сестру несчастной, которую вы нашли в колодце, звали Надеждой Сергиевной Шепель. Появилась она на свет седьмого января 1960 года в городке Кроловец у самой Адриатики, окончила Иоаннградский государственный университет, отделение французской филологии, работала стюардессой, преподавала в вузе...

– И что? – сказала я. – Таких, как она, в стране сто тысяч. А то и двести!

Сувор хмыкнул:

– Но не каждая из этих ста тысяч вышла замуж за некоего Гремислава Бунича, в то время сотрудника иоаннградского КГБ. Того самого Гремислава Бунича, который в данный момент является президентом Герцословакии!

– Шумел камыш, деревья гнулись, и ночка темная быыыыла, одна возлюбленная пара всю ночь гулялаяяяла до утра! – Рая Блаватская все же смешала водку с коньяком!

– Не может этого быть! – воскликнула я во весь голос, и не будь остальные гости так пьяны, они бы непременно заинтересовались, что вывело меня из равновесия.

Браниполк Иннокентьевич качнул седой головой:

– Очень даже может, Серафима Ильинична. Никаких сомнений нет в том, что пропавшая без вести в июле 1982 года старшая сестра жены нынешнего президента Бунича Татiana Шепель и есть та несчастная, которую вы обнаружили в чемодане на дне вашего колодца.

Я приложила руку к груди, дабы унять бешено стучавшее сердце. Вот оно что! Тогда действия КГБ становятся вполне понятными – власть прикладывает все усилия, чтобы никакие враги, и в первую очередь средства массовой информации, не разнюхали эту скандальную историю.

– А может, это ее полная тезка, – рискнула предположить я. – Татiana Сергиевна Шепель не самое редкое сочетание имени, отчества и фамилии.

Дядя Браня рассеял мои сомнения:

– Была тайно проведена сопоставительная генетическая экспертиза. Тело принадлежит сестре жены президента. Тогда-то, в восемьдесят втором, он был, кажется, капитаном, и никто

не мог предположить, что Гремислав Бунич женится на Надежде Шепель и через двадцать лет станет главой нашего государства.

– В том числе и убийца, – протянула я. – Не завидую я преступнику, если его найдут, в чем сомневаться не приходится, ведь к делу подключили КГБ и весь властный аппарат, то ему не поздоровится...

– В этом-то вся проблема, – ответил Браниполк Сувор. – Президент Бунич запретил проводить расследование. Никто не будет искать убийцу.

– Но почему? – изумилась я.

Дядя Браня пожал плечами и сказал:

– Этот вопрос вы можете задать самому Гремиславу Гремиславовичу. Огнедар тоже ничего не понимает, но президент велел закрыть дело. Как мне кажется... Мне кажется, это дело слишком взрывоопасное, чтобы проводить расследование, даже секретное. Секреты обладают нехорошим свойством становиться известными широкой публике.

Я поехала. Похоже, в действиях президента Бунича есть резон. Если СМИ, в особенности иностранные, узнают, что у меня на даче нашелся труп сестры его жены, пропавшей двадцать три года назад, начнется подлинная вакханалия, по сравнению с которой охота на бедняжку принцессу Диану покажется игрой в лапту. Это станет мировой сенсацией номер один. А если учесть, что убийца не найден... О, это даст пищу злокозненным умам и работу беспощадным языкам. Президента Бунича заграничные газеты и телеканалы и так не особо жалуют, а эта история только подольет масла в огонь.

– Значит, президентская свояченица, или как там зовется сестра жены, – прошептала я. – Ну-ка, ну-ка, Браниполк Иннокентьевич, колитесь, дорогой. Я уверена, что вам известно гораздо больше, чем вы мне только что поведали!

Дядя Браня скупно усмехнулся, на мгновение напомнив мне полковника КГБ. Вот они, наши рыцари без страха и упрека, Штирлицы, Рихарды Зорге и генералы песчаных карьеров! Браня мне нравился, но с ним нужно быть начеку. Хитроватый мужчина, весь в своего папочку, героя первой революции Иннокентия Сувора.

– Серафима Ильинична, если передумаете заниматься литературой и истязать гостей в телевизионной студии, то обращайтесь в спецслужбы, – произнес он с грубоватой галантностью. – У вас настоящий следовательский талант!

Увы, этот талант не помог мне вовремя сообразить, что все мои мужья ходили налево. И направо. И прямо. Но только не ко мне, а к своим подружкам. Дядя Браня прав – иногда на меня накатывает вдохновение, и я еще в середине очередного детективного романа понимаю, кто является убийцей, но в большинстве случаев я подозреваю не того, кто виновен на самом деле.

Гамаюн Подтягич гнусаво затянул гимн коммунистической Герцословакии. Воспользовавшись ситуацией, мы выскользнули на кухню. Моим глазам предстала унылая картина – нет ничего ужаснее, чем кухня после веселого застолья. Трупы грязных тарелок, заляпанные чашки, покрытые слоем жира кастрюли и сковородки громоздились в мойке и на столе.

– Я расколюсь, – заявил дядя Браня, – но с условием, что и вы, уважаемая Серафима Ильинична, поведаете мне о том, как обнаружили тело Драгостеи Ковтун.

– Это-то какое имеет ко всему отношение? – с некоторым подозрением спросила я. О смерти Драгушки упомянули в нескольких желтых газетах. Странно, что эта новость не вышла на первую полосу.

Я обстоятельно поведала Браниполку Иннокентьевичу о том, как наткнулась на тело «нашей Пэрис Хилтон» в картинной галерее.

– Кем бы убийца ни был, но он обладает злым чувством юмора, – произнесла я. – Драгуша лежала перед картиной, изображавшей Мессалину...

Я хихикнула. Браниполк Иннокентьевич непонимающе посмотрел на меня.

Пришлось объяснить:

– Валерия Мессалина жила в первом веке нашей эры и была третьей женой императора Клавдия. Ее имя стало нарицательным для обозначения женского распутства. С ведома коронованного муженька ее и убили, после того как она тайно обвенчалась со своим молодым любовником и готовила план по свержению опостылевшего мужа и возведению на престол своего нового супруга. Ей не было и тридцати, когда она умерла: по рассказам современников, Мессалина не знала удержу в сексуальных забавах, напропалую наставляла рога несчастному Клавдию, позже отравленному грибами своей новой женой, матерью приснопамятного Нерона. Стоило Мессалине увидеть на улице, во дворце или на ипподроме смазливый римлянин, не важно кого – патриция, гладиатора или водоноса, как она отдавала страже приказание тащить бедолагу к себе на ложе. А если несчастный потом снова попадался ей на глаза, то преторианцы попросту убивали его по приказу похотливой Мессалины. Ей, видите ли, претило быть объектом пересудов. По поводу посещения ею борделя Ювенал в «Сатирах» заметил: «*Lassata viris necdum satiate recessit*»: «Ушла, утомленная мужчинами, но все еще не удовлетворенная».

Браниполк Иннокентьевич целомудренно закашлялся и произнес:

– В отличие от вас, дражайшая Серафима Ильинична, я не обладаю столь глубокими знаниями в области античной литературы и нравственности. Но то, что мне известно, напрямую связано со смертью Драги Ковтун. Следствие курирует КГБ – ничего удивительного, если учесть, что убита единственная дочь известного герцословацкого политика. Но и здесь Огнедару и его подчиненным приказано не проявлять особую прыть. Официальная версия – преступление на почве страсти.

– Вполне может быть, – заметила я. – Драгушка была красивой девицей, вращалась в самых хм... достойных кругах столичного общества...

Сувор оглянулся по сторонам, словно проверяя, не подслушивает ли кто-либо нашу беседу, и сказал:

– Убийца, похоже, уже найден. Но в этом-то вся проблема!

– Какая проблема? – заявила я. – Если убийца найден, то нужно его арестовать.

– На месте преступления был обнаружен нож... Кстати, как сказал мне Огнедар, украденный у вас. А на этом ноже были отпечатки пальцев. Они и помогли идентифицировать человека, причастного к смерти Драги.

– И кто это? – спросила я. Дядя Браня самодовольно улыбнулся: – То, о чем сообщил мне Огнедар, является государственной тайной. Следствие идет дальше, и не удивлюсь, если через некоторое время, когда шумиха стихнет, публике презентуют «убийцу» – наркомана или несчастного студентика. Презентуют для того, чтобы отвлечь внимание от истинного виновника!

– Да кто же он такой? – спросила я. – Президент Бунич?

Сувор дыхнул мне в лицо и прошептал:

– Вы попали пальцем в небо. Отпечатки пальцев на ноже, которым убили Драгушку Ковтун, принадлежат Сергию Буничу, сыну президента!

Не ослышалась ли я? Сын президента причастен к... убийству? В голове закрутились обрывочные сведения об отпрысках четы Бунич. Сын и дочь, двойняшки. Родились в Восточной Германии в начале восьмидесятых, когда Гремислав Гремиславович служил в герцословацкой резидентуре на территории вассальной ГДР. Девочку зовут Ольга, молодого человека – Сергей. Дочь на публике не появляется, ее фото в газетах – пяти-семилетней давности, когда она была еще подростком. По слухам, учится за границей, в одном из частных швейцарских вузов: Буничи прививали детям немецкий едва ли не с самого рождения. А вот Сережа... В отличие от сестры он остановил свой выбор на знаменитом столичном вузе, где изучает экономику. Не чурается журналистов, наоборот, охотно позволяет себя фотографировать в компа-

нии «брильянтовой молодежи», числится заводилой и сорвиголовой. Наверняка является для отца с матерью постоянной головной болью.

Ну точно! Не так давно в одной из газетенок появилась фотография Сергея Бунича в обнимку с Драгой Ковтун. Еще судачили, уж не к свадьбе ли идет дело: вот была бы сенсация, президентский сынок женится на дочурке самой яростной критикессы режима президента Бунича.

– Вот это да! – произнесла я. – И об этом, конечно же, никто не знает?

– Только кое-кто, – заверил меня Сувор. – Сами Буничи, мой Огнедар, я. Теперь и вы. Я поскребла в затылке и спросила напрямик:

– Браниполк Иннокентьевич, какой у вас резон рассказывать мне сверхсекретную информацию?

– Ух! – Сувор сверкнул глазами. – В корень зрите, уважаемая Серафима Ильинична. Рассказываю, так как не понимаю, к чему такая таинственность. Точнее, отлично понимаю, но не одобряю. Мой Огнедарик, скажем честно, обязан креслом директора КГБ в первую очередь своей преданности и лояльности к президенту. Но мне, отцу, неприятно наблюдать, как его преданность и лояльность беззастенчиво используются. Если президентский сынок нашкодил и имеет отношение к смерти Драги Ковтун, то он, как и обычный гражданин, должен понести наказание. А от Огнедара требуют, чтобы все было с точностью до наоборот: никто и ни под каким соусом не должен знать правду!

Вот оно что! Дядя Браня, старый, тертый калач, прошедший огонь, воду и медные трубы, заботится о своем сыночке – директоре КГБ. Как трогательно! А этот сыночек прикладывает все усилия, чтобы замять страшный скандал вокруг президентской семьи. Причем уже второй за последние дни – сначала труп Татианы Шепель в моем колодце, по совместительству старшей сестренки Надежды Бунич, затем прирезанная экарестская Мессалина.

– Причем заметьте, – продолжил генерал, – сейчас свершилось и второе убийство – адвокат Симонян, один из самых известных законников в стране. Его отправили на тот свет вашим же ножом, и тело нашли перед картиной Стефана д’Орнэ. Драгостея Ковтун была копией портрета Мессалины, а Лев Симонян – копия портрета Талейрана! К чему бы это?

– К чему? – озадачилась я. – Вы утверждаете, что эти убийства связаны? Снова замечу, что убийца опять проявил кровавый сарказм – этот самый Шарль-Морис Талейран отличался неискоренимым мздоимством, брал взятки при всех режимах, всегда служил тому, кто находится у власти в данный момент, а затем с такой же резвостью предавал бывшего властелина, перебегая на сторону победителя. В конце жизни он накопил колоссальное состояние и хватался тем, что в течение своей многолетней карьеры принес почти четыре десятка взаимоисключающих и противоречащих клятв. Покойный Лев, пусть земля будет ему пухом, был Талейрану под стать. За деньги был готов продать душу дьяволу. Но как юрист не знал себе равных!

– Серафима Ильинична, – сказал Сувор, – я подозреваю, что мой сын стал частью хорошо организованной интриги, поэтому прошу вашей помощи...

Монолог дяди Брани был прерван душераздирающим воплем, который шел из столовой. Мы в спешке бросились туда и лицезрели ужасную картину: именинник, Гамаюн Подтягич, лежал лицом в миске с крабовым салатом. Рая Блаватская пыталась реанимировать старче своим тарзаньим криком.

– Рая, замолкни, – распорядилась я. – Не нужно изображать из себя карету «Скорой помощи». Живее вызывайте подмогу!

– Он умер! – причитала Блаватская. – Боже, Фима, только что разговаривал со мной, а потом – шманц, бамс, трямс – отключился и упал лицом в салат.

Ирик Тхарцишвили извлек голову бедняги Подтягича из миски, лицо старца посинело.

– Необходимо сделать ему искусственное дыхание, – сказал Ирик и повернулся ко мне: – Фима!

– Что – Фима? – я с определенной долей отвращения посмотрела на физиономию Подтягича. – Я на медсестру не училась, в бассейн уже сорок лет не ходила, так что ничем помочь не могу!

Одна мысль о том, что мне придется прижаться к фиолетовым губам Гамаюна, вызвала у меня приступ тошноты. Злобный голосок попискивал:

– Отписал свое, старик. И отпил! Ничего не поделаешь, *suum cuique!*⁴

Браниполк Иннокентьевич взял инициативу на себя, принялся делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. «Скорая» приехала на удивление быстро, врачи констатировали инфаркт.

– Сколько он выпил? – поинтересовался один из медиков, окидывая взглядом застольное многобутылие. Рая принялась методично перечислять.

Подтягича уложили на носилки и запихнули в «Скорую». Ему надлежало пролежать в больнице до полного выздоровления. Ну, или до кончины. . .

– Прогнозов делать не могу, – заявил врач. Браниполк Иннокентьевич изъявил желание проводить Подтягича до больницы, «Скорая» отбыла.

Гости стали моментально расходиться. Рая, завернув остатки пирога, заспешила к себе, Ирик ретировался, заявив, что ему завтра лететь в Нью-Йорк, даже племянница Гамаюна охала и причитала, жалуясь на то, что не сможет навещать дядю в больнице.

В итоге произошло то, чего я так опасалась. Мне доверили ключ от особняка Подтягича и велели поливать цветы.

– Посуду мыть не буду, – сразу поставила я условие.

Я осталась одна в логове Подтягича. У меня проснулась запоздалая к нему жалость. В былые времена его бы отвезли в цековскую больницу, где великого писателя обслуживал бы лично министр здравоохранения. Теперь же доставят туда, где найдется место. И за лекарства придется платить из собственного кармана. Никто не навестит Гамаюна, не будет толпы почитателей его таланта, телеграмм от членов правительства и роскошных букетов.

Вздыхнув, я решила, что загляну к Подтягичу. Не бросать же его на произвол судьбы! Но посуду мыть действительно не буду!

Я осталась в особняке в полном одиночестве. Внезапно на меня накатило страстное желание узнать, как живет Гамаюн. Я прошла в его кабинет – обстановка была такой же, что и много лет назад, когда я плакала у него на диване, выслушивая его разгромную речь по поводу своего рассказа.

В шкафах собрания сочинений самого Подтягича (пятьдесят два пухлых тома, надо же столько накачать!), Маркс, Энгельс, Ленин. Я порылась в письменном столе. Гамаюн говорит, что работает уже пять лет над новым гениальным романом, причем с небывалым вдохновением, и вот-вот его закончит, но в папке с надписью «Домны революции – б» находилось с десяток листов, испещренных закорючками Подтягича. Если это все, что он написал за пять лет, то я ему сочувствую! Кризис жанра-с. . .

Скорее всего, вдохновение навсегда покинуло старче. Вот он и рассказывает басни о своем практически завершенном шедевре. Просмотрела его сберкнижки, пенсия Подтягича будь здоров. Да и на счетах в нескольких коммерческих банках лежит солидная сумма в долларах и евро. А еще говорил, что не доверяет буржуям!

Я прошерстила весь особняк. Под конец заглянула на мансарду, где громоздилась поломанная мебель, накрытая пыльными чехлами, черно-белый телевизор и банки с закрутками, выстроившиеся вдоль стены.

⁴ Каждому свое (*лат.*).

Закрыв за собой дверь, я подошла к лестнице. Но непонятное чувство заставило меня снова вернуться в мансарду. Что же привлекло мое внимание? Латунная вешалка (такие стояли когда-то в прихожей кабинета Подтягича в здании Союза писателей), похожая на подгнившую с одного боку тыкву старинная хрустальная люстра, драная надувная лодка, полосатые матрасы...

Я медленно осматривала предмет за предметом. Что-то заставило меня вернуться сюда, но предательская мысль ускользала.

Банки с домашними заготовками. Подтягич гордится тем, что маринует лучше всех в Перельгине помидоры и варит самое вкусное малиновое варенье. Рая Блаватская постоянно спорит с ним, заявляя, что никто не может соревноваться с ней в заготовках на зиму.

Бесчисленные банки напомнили экспозицию кунсткамеры, только вместо гидроцефальных зародышей и двухголовых поросят они были заполнены темными овощами и пурпурным варевом.

Склонившись над банками, я присмотрелась. Хозяйственный Подтягич выставил закрутки не на деревянный пол, а постелил предварительно клеенку. Я составила с нее несколько банок. Кленка забавная, явно старая: на желто-сером фоне, некогда, скорее всего, белом, раскиданы герои детских мультфильмов – Незнайка, Винни-Пух, Буратино, Конек-Горбунек. Наверняка из стратегических запасов покойной супруги Подтягича.

Все бы хорошо, но именно в такую же клеенку было завернуто тело в чемодане, которое я нашла на дне колодца. Память меня не подводила – там тоже мельтешили забавные персонажи.

Я подвергла мансарду обыску. Сверток с остатками клеенки нашелся за старинным сервантом. Когда-то Подтягич или его жена купили рулон про запас...

Закурив, я уселась в пыльное кресло. Значит, так, господа присяжные заседатели: я обнаружила недвусмысленные улики, которые указывают на причастность Гамаюна Подтягича к убийству Татианы Шепель. Вряд ли речь идет о совпадении и убийца «совершенно случайно» завернул тело в такую же клеенку.

Чемоданы! Они лежали на серванте, набитые старыми газетами. «Речь Генерального секретаря Коммунистической партии Герцословакии товарища Лагодума Ильича Дрежневца на XXV съезде...», передовицы с давно забытыми лозунгами вроде «Колхозники Приэкарестья собрали небывалый урожай брюквы» и фотографии долужинской столицы. Газеты конца семидесятых – начала восьмидесятых.

Гамаюн мог знать эту самую Татиану Шепель – сестра будущей президентши училась в столичном театральном институте. Девушка увлекалась литературой, об этом свидетельствует моя книга в ее сумочке. Подтягич, всегда рыскавший в поисках симпатичных дурочек, тающих, как сало на сковородке, перед его сединой, шумной славой и непререкаемым авторитетом, мог запросто познакомиться с ней на одном из приемов или у кого-то в гостях, или Татиана сама могла добиваться его внимания – еще бы, знаменитый писатель, живой классик, первый секретарь правления Союза писателей.

Гамаюн так и делал – его жена часто уезжала на курорты, оставляя мужа работать над очередным романом о судьбе сталеваров, ткачих или геологов. Подтягич же использовал представившуюся возможность, чтобы приглашать к себе в гости симпатичных студенточек, аспиранточек и просто почитательниц своего таланта. Об этом в Перельгине знали все, кроме супруги Гамаюна.

В большинстве случаев дело завершалось постелью, точнее, тем самым кожаным диваном, на котором я плакала, а старый сатир усердно пальпировал мою коленку. В большинстве случаев, но не во всех. А что, если «наш комсорг» зазвал к себе Татиану Шепель, попытался соблазнить ее, она дала ему отпор и пообещала поднять скандал?

В те времена это могло стоить Гамаюну ответственного и прибыльного поста в Союзе писателей, тем более многие полагали, что старик слишком засиделся в своем кресле. Гамаюн,

чая опасность, убил ее – или это могло выйти случайно. Хотя нет, я же помню ухо с разодранной мочкой, убийца не знал пощады к своей жертве.

Убил Татиану, завернул тело в клеенку, положил в один из чемоданов и сбросил в колодец. Нет, не в свой, а на нашем участке – если останки и найдут, то проблемы возникнут не у него, а у нашей семьи.

Логично получается. Я стряхнула пепел на пыльный пол. Это очень похоже на Подтягича, трусливого и подлого человечешку. Он вполне способен убить девушку, спрятать ее тело, а затем следующие двадцать три года разыгрывать из себя честного коммуниста.

Или убить могла жена Подтягича – застав, к примеру, его с молодой любовницей. А затем супруги вместе скрыли следы преступления. Но жена Гамаюна умерла, из нее уже ничего не вытянешь, разве что во время сеанса столоверчения.

Вот какой ты, оказывается, Гамаюн Мудрославович Подтягич. И пока ты лежишь в больнице с инфарктом, полученным от чрезмерных возлияний, я постараюсь вывести тебя на чистую воду и раскрыть тайну смерти свояченицы Гремислава Бунича. Если верить дяде Бране, то власть не жаждет докопаться до истины.

Тогда этим займусь я, Серафима Гиппиус!

Надежда Сергиевна Бунич 4 – 6 сентября

– Огнедар, я не верю! Не верю! И можешь не потчевать меня детальными отчетами с места происшествия. Я не хочу ничего знать!

Надежда Сергиевна Бунич, супруга президента Герцословакии, отшвырнула от себя папку с бумагами. Листы, кружась, приземлились на ковер. Ее собеседник, директор КГБ генерал-майор Огнедар Сувор, ничего не ответил и принялся собирать разлетевшийся отчет.

Не выдержав, Надежда Сергиевна подошла к нему и помогла навести порядок. Она уже раскаивалась, что позволила себе сиюминутную вспышку ярости. Огнедар выполнял то, что было ему поручено Гремиславом. Он – старый и надежный друг.

– Надежда Сергиевна, не беспокойтесь, я сам, – сказал Сувор. С тех пор как его старый друг Гремислав Бунич стал президентом, он именовал его и Надежду на «вы» и по имени-отчеству.

– Огнедар, оставь это! – воскликнула Надежда Бунич.

Сувор повиновался. Он давно знал, что жена Гремислава подвержена резким переменам настроения и может в секунду превратиться из улыбчивой вальяжной дамы в желчную язвительную насмешницу. Жизнь научила Огнедара спокойно относиться к выходкам тех, кому он подчиняется. Гремислав Гремиславович никогда не повышает голос, если он не согласен с доводами собеседника или недоволен его поступками, то становится безупречно вежливым, взглядом пробирает тебя до мозга костей, а хорошо интонированные тихим мягким голосом его слова заставляют потеть, заикаться и чувствовать себя двоечником на приеме у директора. Гремислав редко дает волю чувствам, причем только в кругу тех, кому доверяет.

– Прошу, садись, – жена президента указала директору КГБ на кресло. – Гремислав намеренно возложил на тебя эту миссию, а сам уехал с недельным визитом в Китай?

Сувор усмехнулся. Надежде нельзя отказать в проницательности. В этой красивой светловолосой женщине таилась масса энергии.

Надежда Бунич, в свою очередь, изучающе смотрела на директора КГБ. Огнедар Браниполкович Сувор, высокий, осанистый мужчина с шапкой седеющих волос, был одним из тех, кто входил в «ближайший круг» ее мужа. Поэтому Гремислав и выбрал его на эту роль, не пожелав сам донести до нее неприятную новость.

И если бы одну! Огнедар предоставил ей отчет, в котором утверждалось, что в Подэкарестье на даче писательницы Серафимы Гиппиус обнаружили тело ее сестры Татианы, пропавшей в ночь с 30 на 31 июля 1982 года. Сама Надежда давно смирилась с тем, что Таня стала жертвой преступления, хотя родители до самой смерти надеялись на чудо, внушая себе, что их старшая дочь вот-вот вернется живой и невредимой.

Надежда Сергиевна настояла на том, чтобы ей предоставили возможность взглянуть на цветные фотографии. Боже, это в самом деле Татиана! Ее сложно узнать, но это – она! Красавица с льняными волосами и зелеными глазами, которая считалась самой симпатичной студенткой на курсе и отвергала одного ухажера за другим, превратилась в страшную мумию с коричневой кожей и раскрытым в немом крике ртом.

Эксперты объяснили, что под воздействием влажной среды и постоянно низких температур (тело было найдено на дне десятиметрового колодца) произошла естественная консервация, которая предотвратила неминуемый распад тканей. Иначе бы от Тани остались только кости...

– Я хочу ее видеть, – сказала Надежда.

Сувор, пряча глаза, ответил:

– Это невозможно. Гремислав Гремиславович распорядился...

– Мне все равно, как распорядился Гремислав Гремиславович! – повысила голос Бунич. – Это моя сестра, и я хочу видеть ее. Где вы держите ее тело?

– Гремислав Гремиславович распорядился кремировать останки, что и было сделано два дня назад по завершении всех необходимых процедур, – ответил директор КГБ.

Надежда Сергиевна шумно вздохнула. Гремислав целую неделю знал о том, что тело Тани нашлось, и в итоге велел его кремировать, поручил сообщить ей об этом Огнедару, а сам улетел на неделю за границу! Как это на него похоже – заставить других выполнять все по собственному плану, а самому находиться в стороне и незримо всем руководить.

– Так, – медленно и подозрительно спокойно произнесла Надежда. Она поняла, что не стоит вымещать обиду и негодование на Огнедаре. Не мог же он послушаться своего непосредственного шефа, президента страны? Не мог.

Надежда представила, что она скажет Гремиславу, когда тот вернется в Экарест. Что она скажет...

Гремислав все рассчитал – к моменту его возвращения ее гнев пройдет, эмоции улягутся. И даже если она на повышенных тонах и будет требовать от него объяснений, то он, как водится, выслушает ее, пока поток упреков не иссякнет и ей самой не станет стыдно за свою истерику, затем спокойным тоном логично и убедительно объяснит ей, что другого выхода не было, и она, как всегда, поймет, что это так! Даже если сделает вид, что не согласна, по прищурю его сапфирово-синих глаз она поймет, что Гремислав знает: жена признала свое поражение, он заставил ее согласиться с собой. Гремислав обладает удивительным качеством убедить любого в своей правоте: ему не нужно повышать голос или оказывать давление – после десяти минут беседы с ним оппонент, к своему ужасу, вдруг понимает, что аргументы Бунича весомее и то, о чем он говорит, единственно правильное решение. Она много раз испытывала на себе этот его дар убеждения, видела, как Гремислав в считанные минуты разрешает конфликтную и казавшуюся безвыходной ситуацию. Противник, невольно соглашаясь с Гремиславом, не испытывает горького чувства поражения, а, наоборот, сам перенимает буническую уверенность и делает так, как того хочет Гремислав.

Иногда эта магия сапфировых глаз и макиавеллиевской полуулыбки Гремислава вызывала у нее слезы любви и восторга, иногда – ненависть и отторжение.

– Значит, муж велел кремировать тело моей сестры, даже не удосужившись поставить меня в известность? – Надежда почувствовала, что запал прошел. Ей хотелось одного – остаться одной. Не хватало еще заплакать в присутствии Сувора. Он, конечно, сделает вид, что ничего не заметил, но Гремислав потом как-нибудь вскользь заметит, что высшие лица государства не имеют права показывать свою слабость.

Гремислав! Ее муж. Отец ее детей. Человек, с которым она вместе больше двадцати лет. Она знает его лучше, чем кто-либо другой, хотя в последнее время у нее возникает странное чувство, что Гремислав ей совершенно чужой.

Сувор промолчал. Надежда Сергиевна сменила тему:

– Оставим это. Вернемся к Сергию. Что это за бред о его причастности к... к... к гибели той девушки, как ее, Маши... Фамилию не помню!

На самом деле Бунич прекрасно помнила и имя – Драга, и фамилию – Ковтун. Верткая особа, которая блистала до недавнего времени в столичном бомонде. Ее мамочка, Людослава Ковтун, строит из себя пламенную демократку, ей осталось только во всеуслышанье заявить, что ее дедушка сражался на баррикадах во время всех четырех французских революций. А о своем прошлом второго секретаря Иоаннградского горисполкома она теперь не вспоминает, как и о диссертации на тему «Вклад Л.И. Дрежневца в разрядку мировой напряженности на Балканах». Защитила ее в то время, когда герцословацкие танки утюжили взбунтовавшуюся провинцию Белохолмью и наши солдаты гибли, защищая непонятные им геополитические

интересы. Теперь Людослава – лидер одной из наиболее многочисленных партий, ездит раз в месяц в Страсбург, где ее встречают овациями, дружит с американскими сенаторами, которым жалуется на «тиранию президента Бунича» и его политику, направленную на «возрождение полицейского государства».

Дочка же прожигает жизнь, меняет любовников и посмела с задранной юбкой позировать под ручку с Сережей. Вообще-то он держал ее за талию... Это уж слишком! Гремислав был крайне недоволен, Сергей же, как обычно, заявил, что он уже совершеннолетний и с кем хочет, с тем встречается и фотографируется.

Надежда Сергиевна не без основания винила во всем злокозненный ум Людославы Ковтун – та, несмотря на свои незыблемые демократические идеалы, готова была породниться с Буничами. Или устроить скандал в не подконтрольной официальному Экаресту желтой прессе и столичной тусовке, намекая на «контакты третьего рода» между ее дочуркой и сыном самого ГГБ.

Сувор осторожно ответил:

– Мне бы тоже очень хотелось, Надежда Сергиевна, чтобы версия о причастности вашего сына к смерти Драгостеи Ковтун оказалась бредом. Я уже разговаривал по этому поводу с Гремиславом Гремиславовичем...

Он уже разговаривал! Конечно, сначала вердикт выносит Гремислав, и только потом ее ставят в известность, когда все решено и изменить ничего нельзя!

– ...и он проявил особую озабоченность в отношении этого дела. Беспокоиться не стоит, имя Сергея Бунича не будет упоминаться ни в каком контексте в связи с убийством Драгостеи Ковтун. Гремислав Гремиславович принял верное решение с заграничной стажировкой Сергея.

Ах, Гремислав уже принял решение? Надежда Сергиевна снова почувствовала обиду на мужа. Он решил спровадить Сережу за границу и даже не посоветовался с ней. Пускай он президент и отец, но ведь Сергей – и ее сын.

– СМИ находятся под нашим контролем, полное замалчивание темы было невозможно, однако сообщения прошли в первую очередь в Интернете – но кто в Герцогстве черпает новости из Интернета? – и в колонках светских сплетен бульварных газет. Сергей Бунич не упоминается в них ни разу. Можете быть спокойны, Надежда Сергиевна!

Бунич поморщилась. Сувор уверен, что ее занимают отголоски возможного скандала вокруг их семьи. «Можете быть спокойны!» Как она, мать, может быть спокойна, когда ее сына подозревают в причастности к убийству? И почему Сергей не пошел в Ольгу – девочка на редкость разумная, целеустремленная, вдумчивая. Ему же подавай веселую жизнь, сплошные развлечения, новых подружек. С насмешкой относится к отцу, постоянно пытается спорить с Гремиславом по политическим вопросам.

Стало быть, Гремислав прав? И длительная заграничная стажировка, желательна даже не в Европе, где журналисты как с цепи сорвались и исходят желчью при каждом упоминании Гремислава Бунича, а в Северной Америке или Австралии. Или в Южной Африке.

– Огнедар, – сказала Надежда, чувствуя себя разбитой. – Расскажи мне... Об уликах. Почему следствие решило, что Сережа... имеет... к этому... всему... ну, ты понимаешь... отношение?

Вопрос дался ей нелегко. Директор КГБ был готов к такому вопросу. Президент сам продиктовал ему, что он должен ответить его жене, если та спросит об уликах и причастности Сергея к смерти Драги Ковтун.

– Мы исходим из того, что Сергей попал в плохую компанию, кто-то захотел подставить его: политические противники или иностранцы. У нас есть нож с отпечатками пальцев вашего сына, этот нож – орудие убийства. Но расположение отпечатков дает возможность говорить

о том, что Сергей, скорее всего, случайно прикоснулся к ножу, а не использовал его в целях умерщвления.

В целях умерщвления! Что за ужасные слова!

– Гремислав Гремиславович прав, Сергию нужно сменить обстановку и уехать из страны. Я уверен, что ваш сын не причастен к смерти Драгостеи Ковтун, но именно поэтому ему и надо соблюдать осторожность.

Сувор был убедителен до такой степени, что Надежде захотелось спросить – верит ли директор КГБ в то, о чем так доказательно вещает? Если дело было только в грязной интриге, то Гремислав не стал бы спускать его на тормозах. Гремислав же приказал Сергию сидеть в экарестской квартире и даже приставил к нему двух охранников, чтобы те контролировали каждый шаг молодого человека.

– Значит, вы оба уверены, что мой сын... Огнедар, у меня больше нет к тебе вопросов!

Это означало, что высочайшая аудиенция окончена. Директор КГБ был рад – задание, возложенное на него президентом, выполнено. Попрошавшись, он ушел. Надежда Сергиевна осталась в одиночестве.

Так всегда! Когда ей требуется совет или поддержка Гремислава, того рядом нет. С тех пор как он подался в большую политику, он разительно изменился. Она редко видит его, иногда целый день проходит без мужа.

Когда он был назначен премьер-министром, она с ужасом подумала, что через несколько месяцев последует позорная опала. Она не верила заверениям тогдашнего президента, что он определился с преемником – якобы им станет Гремислав. Президент каждого из своих с калейдоскопической быстротой сменяющихся премьеров прочил в преемники и наследники.

Через несколько месяцев и в самом деле произошло событие, которое полностью изменило их жизнь. В канун Нового года старый и больной президент объявил о своей отставке, и Гремислав автоматически стал исполняющим обязанности.

О том, что ему предстоит занять президентское кресло, Гремислав узнал после парламентских выборов, победу на которых одержала пропрезидентская партия.

Тогда-то старый президент и решил, что настала пора ошиарашить весь мир новой и самой загогулистой из своих «загогулин». Гремислав упомянул ей о разговоре со своим патроном всего за несколько часов до официальной отставки своего предшественника.

– Надя, Благояр Никлотович уходит в отставку, я становлюсь исполняющим обязанности.

– Что? – она не могла поверить словам Гремислава. Ей показалось, что это дурная шутка.

Гремислав не стал вдаваться в подробности. Он никогда этого не делает, не посвящает даже самых близких в свои планы. Если и говорит, то непосредственно перед тем, как этот план приведет в исполнение. Но ведь она его жена!

– Так надо, – добавил он тогда после короткой паузы. – Решение уже принято.

– Но почему ты? – вырвалось у Надежды. Не то чтобы она не верила в способность мужа занять самый высший пост в государстве, но... Но почему именно он?

Он ничего не ответил, только сверкнул глазами, и Надежда внезапно поняла, что Гремислав не мучается подобными сомнениями. Он достаточно часто говорил о том, что нужно изменить в стране, но это казалось ей фантазиями, несбыточными мечтами – будучи даже премьером, муж не обладал всей полнотой власти и не мог изменить сложившуюся систему.

И вот – президент! Это значит, что он получит всю полноту власти. И его слова воплотятся в дело. Скоро он будет принадлежать к сильным мира сего. А она, кем станет она? Надежде сделалось страшно. С одной стороны, она страстно желала, чтобы Гремислав стал президентом. Он, как никто другой, достоин этого. Но с другой...

После его внезапного назначения на пост директора КГБ, а потом и главой правительства ей пришлось забыть всех подруг. Когда она появлялась на приемах, то замечала оценивающие завистливые взгляды. Гремислав находился на вершине властной пирамиды, и их окружало одиночество. Их?

Одинока была она! Ольга училась в Швейцарии, Сергей настоял на том, чтобы переехать в отдельную квартиру – его Надежда Сергеевна видела несколько раз в месяц.

Надежда долго плакала, когда смотрела обращение Гремислава в качестве исполняющего обязанности президента к герцословацкому народу. Спокойная жизнь закончилась и, как раньше, уже не будет никогда. О, и зачем он согласился! Новый год они встретили в вертолете, который нес их к дислоцированным в непокорной Белохолмши федеральным войскам. Так захотел Гремислав. И его советники по имиджу. Через два с половиной месяца предстояли всенародные выборы президента, и Гремислав был одним из тридцати восьми претендентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.